специальный выпуск, 2012

ереван

ЖУРНАЛ С АКЦЕНТОМ

Арцах

легенды о настоящем



SPECIAL TRAVEL ISSUE
+ENGLISH SUMMARY

ISSN 1816-5087
yerevanmagazine.com



Самая длинная в мире канатная дорога


Этнотуризм
• Bed and breakfasts
• Органические продукты
Ресторан
• Вкусная кухня
• Старинные рецепты
• Восхитительный вид
Достопримечательности
• Монастырь 9-го века
• Средневековая маслодавильня
• Горячие источники
• Старые селения
Активный отдых
• Скалолазание
• Пешие туры
• Велотуры
Телефон: 374 (10) 538120
www.tatever.com
Прибыль направляется в Фонд «Татев» и предназначена для реставрации Татевского монастыря.

реклама

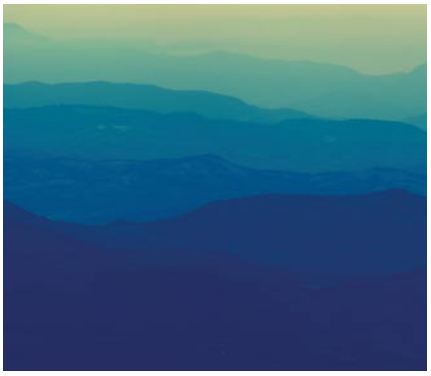
стр.8



Практическая информация

стр.10

Основные вехи истории Арцаха



стр.12



История бессмертия

По свидетельству историка VII века Мовсеса Каганкатваци, в Гандзасаре захоронена одна из величайших христианских реликвий — голова Святого Иоанна Крестителя.

стр.22

Город-феникс

Шуши — город-феникс, который снова расправляет крылья над ущельем Гунот. Это город, излечивающий от потери эмоций. И своей нарочитой блестящей новизной, и щемящим виноватым прошлым.



стр.36



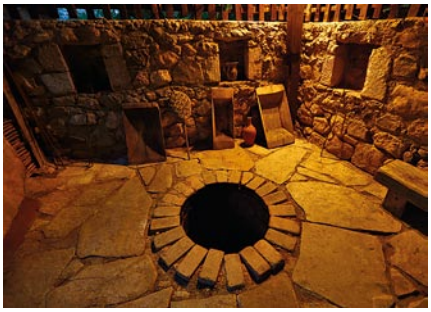
...и слава Христу

Камень в основание Амарасской церкви заложил в начале IV века сам Григорий Просветитель. Завершил же строительство его внук — епископ Григорис. Но главное — именно здесь Месроп Маштоц открыл первую армянскую школу.

стр.44

Один день в XIX веке

В селе Цахкашат появилась улица XIX в. Этот этнографический квартал — одно из самых любимых туристами мест в Арцахе.



стр.54



Место особого значения

Есть места не просто красивые или интересные. У них какой-то свой способ воздействия на человека. Они в равной степени притягивают и пугают. В Арцахе такое место особого значения — монастырь Дадиванк.

стр.66

Достойный своего царя

Знания, чутье, удача... Наверное, все это должно было совпасть, чтобы привлекший внимание небольшой белый камень в земле оказался выступом массивной стены цитадели античного города Тигранакерта.



стр.76



Нариндж: цвет мира

Карабахские скакуны — былая слава армянской конницы — сегодня национальная гордость. Их не продают и не вывозят за границу, а выращивают для вольной жизни в спрятавшемся в горах селе Кирсаван.

стр.84

Высота внутри

Почти 10 лет назад в Мец Тагер в старинном доме открыли чайную. Это был старт, первый отрезок дороги «Мец Тагер — Мир». Прошло несколько лет, и деревня зажила по-новому.



стр.92



На вкус

Приготовленный в тонире тонкий хрустящий хлеб, ароматная начинка женгялов хаца и крепкая тутовка — все это Арцах, который каждого гостя так и манит попробовать себя на вкус.

стр.98

Арцахская крепость

Чтобы проследить за тем, как хмелеет ароматный фрукт и рождается пикантный бренд Арцаха — тутовка, — надо поехать в село Айгестан.



стр.104

Отели

English Summary



Practical Information, Hotels

→ page 108



The Key Events in the History of Artsakh

→ page 112



The Story of Immortality

Only the morning light can uncover a "treasure mountain" beneath it — Gandzasar that gave a name to the monastery once grown into it and Surb Hovhannes (St. John the Baptist) Church.

→ page 114



Naringe: The Color of Peace

Karabakh racing horses — the past glory of Artsakh meliks and the Armenian cavalry — is a national pride of today's Nagorno-Karabakh Republic.

→ page 116



A Taste of Karabakh

Every country, every city and every village has its special taste. Without this taste, it is impossible to draw a full picture of the place. And Karabakh is no exception.

→ page 118



Inside Height

Almost 10 years ago in an old house in Mets Tagher there was a tea-house opened, with carpets to cover the floors and old-time photographs to be hung on the walls. And it was the beginning of the road of "Mets Tagher toward the World."

→ page 120



King-Worthy

Knowledge, intuition, luck... All these three must become one so that a small white stone in the ground that attracted attention turns out a ledge of a massive citadel wall of the ancient city of Tigranakert.

→ page 122



A Place of Special Importance

There are places which are not simply beautiful or interesting. They affect people in a special way — similar to what we feel when influenced are our well-known five senses but in no way limited by it.

→ page 126

ереван
ЖУРНАЛ С АКЦЕНТОМ



Иллюстрация на обложке:
ГЕГАМ ВАРДАНЯН

Фотографы:
АРНОС МАРТИРОСЯН, АЙК МЕЛКОНЯН

ParaType **Шрифты компании «ПараТайп»**

В журнале использованы шрифты:
PF Centro Sans Pro,
PF Centro Serif Pro,
PF Centro Slab Pro
parachute®

Благодарим
Работников Управления туризма при правительстве Нагорно-Карабахской Республики и лично начальника управления Сергея Шахвердяна за помощь в создании номера

Русское издание

Главный редактор
ЭДУАРД АЯНЯН

Арт-директор
АРСЕН КИРАКОСЯН

Заместитель главного редактора
АНАИТ ОГАНИСЯН

Выпускающий редактор
АРМЕН ЕОЛЯН

Редактор
АРТАВАЗД ЕГИАЗАРЯН

Журналист
НУНЭ МЕЛКУМЯН

Литературный редактор
ТАТЬЯНА МАРТИРОСЯН

Служба проверки
СОНА ПАРСАДАНЯН

Корректура
МАРИАННА НИКОГОСЯН

Директор по съемкам
МАРИАННА ИСКАНДАРЯН

Фоторедакторы
АЙК МЕЛКОНЯН,
МАРИАМ ЛОРЕЦЯН

Дизайнеры
НОННА ИСАДЖАНЯН,
АНИ КАРАМАНУКЯН

Фотокорректоры
АРМЕН АЙРАПЕТЯН,
АРМИНЕ ГЕСИЯН

Верстка
АРМЕН ЕОЛЯН,
АРТАК САРГСЯН

Партнерство с ЕРЕВАН ПРОДАКШНС

Исполнительный директор
ВИКТОРИЯ ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Директор издательства
ЭДУАРД АЯНЯН

Республика Армения, 0037, Ереван,
Бабаяна, 2
Тел.: +374 (10) 20 26 89, +374 (10) 20 22 89
Факс: +374 (10) 20 25 69
info@e-productions.am
www.e-productions.am
Отдел рекламы
Тел.: +374 (10) 20 23 89
grigor.khanjyan@e-productions.am
Служба распространения и подписки
Тел.: +374 (10) 20 23 69

Журнал «Ереван» на Facebook

Журнал «Ереван» на iPad APP

Английское издание

Исполнительный редактор
ЛИАННА ЗАХАРЯН

Арт-директор
ГЕГАМ ВАРДАНЯН

Выпускающий редактор
МАНУК АКОПЯН

Ведущий редактор
АЗЗИ МХИТАРЯН

Корректура
КЭРОЛ ВАН КИРК

Редакторы
НАРИНЕ ГАРИБЯН,
НАНЕ АВАГЯН,
ШОН ЭРЛИ

Журналисты
АНИ ГАРИБЯН,
ВИОЛЕТ КАНЯН,
ФЛОРЕНС АВАКЯН,
ЛИЛИТ БАРСЕГЯН,
АНУШ ОВСЕПЯН,
АРМЕН КАРАОГЛАНЯН,
СОЛИНЕ КОДЖАБАБЯН,
АНИ НАЗАРЕТЯН,
МЭРИ ХАЧАТРЯН,
РУТ ТОМАСЯН

Перевод
АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ

Фоторедакторы
АРМЕН ПОГОСЯН,
ТИГРАН ТОВМАСЯН

Ethnopress USA

Исполнительный директор
РЕНЕ МЕРИСТЕ

Менеджер по рекламе
СЮЗИ ОГТАНЯН

Менеджер по связям с общественностью
КРИСТИНА ГУКАСЯН

ETHNOPRESS USA LLC, 135 S.Jackson Street,
Suite 202 Glendale, CA 91205 USA
Тел.: +1 (818) 507-7057, Факс: +1 (818) 507-9015
info@yerevanmagazine.com
www.yerevanmagazine.com

Этнопресс

Директор по рекламе
АННА НАРЫШКИНА

Менеджер по работе с корпоративными клиентами
ТАТЬЯНА ГОРЯЧЕВА

Руководитель отдела внутреннего контроля и работы с клиентами
НАТАЛЬЯ КРУЖКОВА

Бренд-менеджер
ВАЛЕРИЯ ГАРБАР

Шеф-редактор московского офиса
АННА РУЛЕВСКАЯ

Распространение и подписка
АРТЕМ ЧИЖОВ

Учредитель ООО «Этнопресс», Россия, 125009,
г. Москва, Романов пер., д. 5
Тел.: +7 (495) 926 38 66
info@ethnopress.ru
info@e-magazine.am
www.yerevanmagazine.com

© 2005—2012 «ЕРЕВАН»
Любое использование материалов или фрагментов из них на любом языке допускается исключительно с письменного разрешения ООО «ЭТНОПРЕСС»
Редакция не несет ответственности за содержание рекламы. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия РФ

Подписные индексы:
подписной каталог «Газеты, журналы» (Роспечать), полугодовой индекс 20231
подписной каталог «Почта России» (Межрегиональное агентство подписки)
полугодовой индекс 60523
годовой индекс 60524

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-45621 от 29.06.2011 г.

Номер сдан в печать 25.10.12

Отпечатано в Финляндии.
Типография PunaMusta P.O.Box 99, Kosti Aaltosen tie 9, FINLAND-80140, Joensuu

Цена свободная

Тираж 120 000 экземпляров

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

BERDASHEN
ARMENIA



Степанакертский Коньячный Завод
www.stepbrandy.com

СТЕПАНАКЕРТСКИЙ КОНЬЯЧНЫЙ ЗАВОД

Реклама

Легенды о настоящем

Применительно к Нагорному Карабаху политики часто используют термины «де-факто» и «де-юре». Фактическая независимость Арцаха юридически пока не оформлена. И это наложило отпечаток на всю жизнь маленькой свободной страны — она преодолела прошлое, отбросила формальное и выбрала настоящее. Во всех смыслах этого слова. «Настоящий» — самое точное определение Арцаха. Правда, найти его удается не сразу. Сначала мозг выдает формулировки очевидные, в смысле видимые глазом. Скажем, зеленый. Как же иначе, если в одном взгляде-кадре помещаются все оттенки этого цвета? Или солнечный. И этот эпитет ложится через запятую без тени сомнения — вообще, порой кажется, что в этот край тянет сила притяжения Солнца. Или мистический. Когда вдруг из скалы вырастает поразительной красоты неистребимое каменное прошлое. Потом откуда-то, уже не извне, а изнутри, рождаются другие слова-чувства. И самое неожиданное из них — покой. Идешь по чистеньким улочкам Степанакерта или по сказочным лесным тропам и всем своим существом ощущаешь полное отсутствие конфликта между собой и окружающей реальностью. И только потом все эти ощущения складываются в то самое слово «настоящий». Настоящая, живая, пульсирующая земля под ногами, на которой в настоящем времени и по настоящим законам совести живут настоящие, неторопливые, мудрые люди. И ты чувствуешь, как внутри тебя набухает, растет давно забытое настоящее чувство бесконечной привязанности к этой вечной земле.

1 «История бессмертия» ..... стр. 12
The Story of Immortality ..... page 114

2 «Город-феникс» ..... стр. 22

3 «...и слава Христу» ..... стр. 36

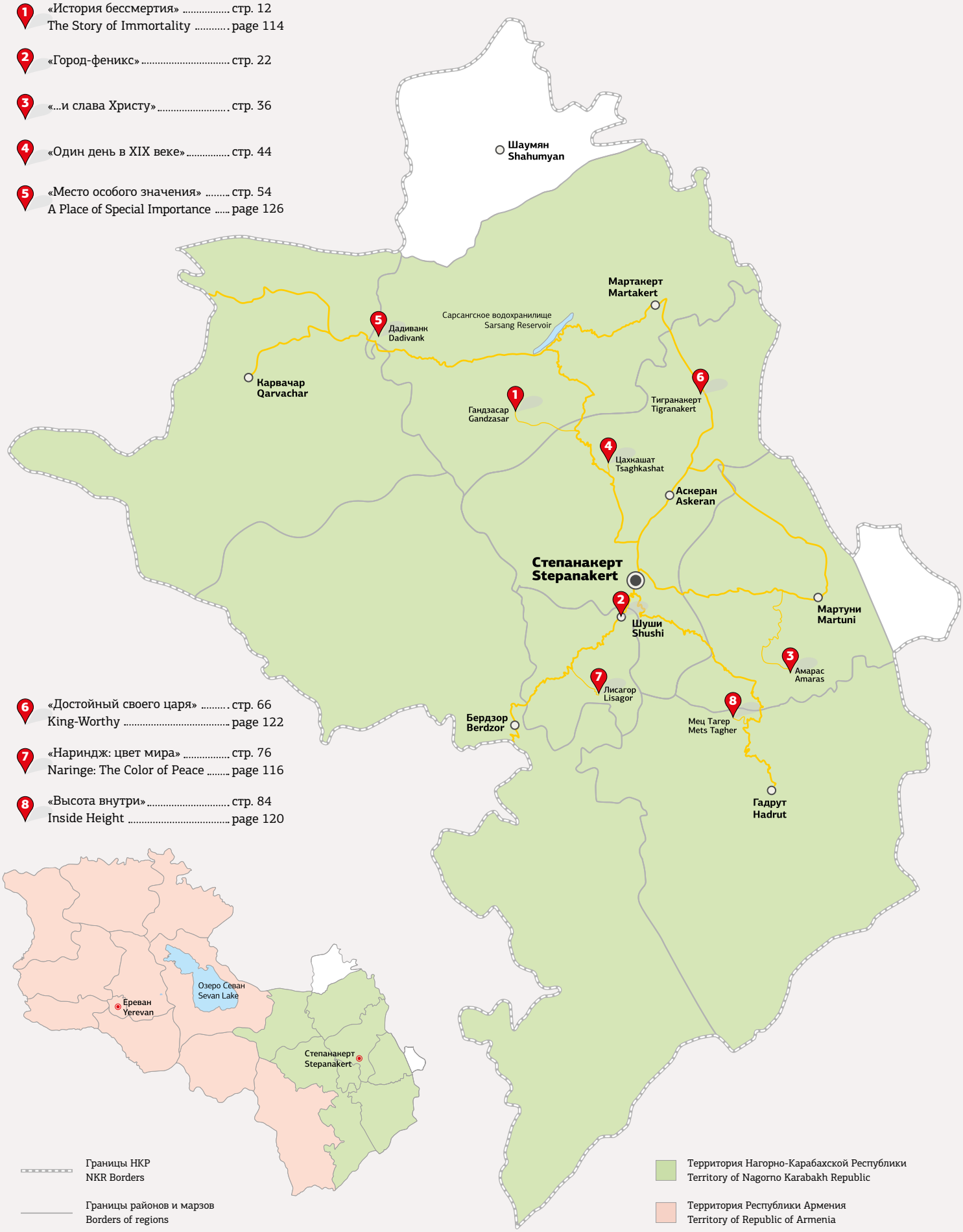
4 «Один день в XIX веке» ..... стр. 44

5 «Место особого значения» ..... стр. 54
A Place of Special Importance ..... page 126

6 «Достойный своего царя» ..... стр. 66
King-Worthy ..... page 122

7 «Нариндж: цвет мира» ..... стр. 76
Naringe: The Color of Peace ..... page 116

8 «Высота внутри» ..... стр. 84
Inside Height ..... page 120



Нагорно-Карабахская Республика







Провозглашение независимости — **2 сентября 1991 г.**
Официальный язык — **армянский**
Столица — **Степанакерт**
Форма правления — **президентская республика**
Территория — **12 030 км²**
Население — **172 000 человек**
Телефонный код — **+374 47**
Часовой пояс — **+4**



Как добраться

В Карабах можно приехать через Армению. Основная автомобильная дорога протяженностью примерно 350 километров, связывающая Ереван со Степанакертом, проходит по южным областям Армении — через города Ехегнадзор, Вайк, Горис. Время в пути — 4—5 часов на автомобиле. Ежедневно с 8:00 утра с интервалом примерно в 1 час с Центрального автовокзала Еревана в Степанакерт выезжают микроавтобусы вместимостью 12—15 человек, которые доезжают до Степанакерта за 6 часов, с одной 30-минутной остановкой в городе Вайк. Стоимость билета — около $20. Там же, на автовокзале, можно воспользоваться услугами такси. Поездка в такси при четырех пассажирах обойдется каждому примерно в $26.
С 2012 года появилось и авиасообщение между Арменией и Карабахом. Степанакертский аэропорт начал действовать после реконструкции осенью 2012 года. Продолжительность полета из Еревана в Степанакерт составляет 35 минут.



Визовый режим

Граница между Арменией и Карабахом не имеет межгосударственного статуса и абсолютно прозрачна. Пункт паспортно-визового контроля оборудован на автомагистрали Горис—Степанакерт. Паспортно-визовый контроль осуществляется выборочно, без таможенного досмотра. У вас могут попросить паспорт и проверить наличие въездной визы в Карабах. В случае отсутствия последней по прибытии в Степанакерт необходимо в течение ближайших суток посетить консульскую службу Министерства иностранных дел НКР, где за несколько минут будет выдана въездная виза. Въездную визу для поездки в Карабах можно получить в дипломатических представительствах НКР в США, Франции, России или в постоянном представительстве НКР в Ереване. Стоимость въездной визы в НКР составляет 3000 драмов (примерно $9). Для граждан Армении въезд безвизовый.



Внутреннее сообщение

Практически вся страна охвачена сетью общественного транспорта. Междугородные поездки совершаются с автовокзала, расположенного в Степанакерте по адресу: ул. Азатамартикнери, 35 (тел.: 374 47-94 06 61). Из городов и сел маршрутные автобусы прибывают в Степанакерт в основном по утрам, обратно из города выезжают после полудня. Стоимость междугородных поездок не превышает $3—3,5. Автобусы и микроавтобусы в Степанакерте курсируют по установленным маршрутам и останавливаются на фиксированных остановках. Стоимость поездки в пределах Степанакерта составляет 70 драмов (около $0,2), независимо от расстояния. Стоимость поездки внутри города на такси определяется по счетчику, минимальная плата составляет 600 драмов — около $1,5, в среднем поездка по городу обходится в $3—3,5. Тариф одинаков в любое время суток. Междугородные поездки на такси стоят в среднем около 100 драмов ($0,3) за километр.



Валюта

В качестве валюты в НКР используется армянский драм. В республику разрешено ввозить с собой неограниченную сумму наличными как в местной, так и в иностранной валюте. Любую свободно конвертируемую валюту можно по прибытии обменять на драмы в местных банках, в большинстве гостиниц или в лицензионных пунктах обмена валюты, расположенных в Степанакерте, а также в районных центрах. Курсы обмена валюты разнятся незначительно. Владельцы международных кредитных карт Visa, MasterCard и Maestro могут обналичить деньги в местной или иностранной валюте в банках, сотрудничающих с их кредитными компаниями. Банкоматы установлены снаружи при входе в банки, а также в супермаркетах. За покупки или услуги расплачиваются только армянскими драмами. Отделения банков есть во всех городах республики, открыты с понедельника по пятницу с 9:00 до 16:00 или 17:00 с часовым перерывом — с 13:00 до 14:00.



Связь

Телефонные услуги в НКР предоставляются компанией «Карабах Телеком». Отделения связи компании открыты во всех населенных пунктах страны. Внутри населенного пункта звонки со стационарных телефонов осуществляются бесплатно, в иные населенные пункты внутри страны — по фиксированной поминутной оплате. Чтобы позвонить за границу, необходимо набрать сначала 0, затем код страны назначения, код штата (города) и номер телефона. Стоимость зависит от страны, в которой находится абонент.
На территории НКР также действуют карты армянского провайдера мобильной связи VivaCell-MTS, которые можно приобрести в сервис-центрах компании «Карабах Телеком». Там же можно отправить факс в любое время суток, а также заказать междугородный телефонный разговор. Обе компании осуществляют на территории НКР роуминг с ведущими мировыми провайдерами услуг мобильной связи. Подробную информацию о ценах на услуги мобильной связи можно получить на сайте компании www.ktsurf.net. Международный телефонный код НКР: +374 47.
Все города и многие сельские населенные пункты Карабаха подключены к Интернету. В некоторых местах действуют интернет-кафе с почасовой оплатой услуг. Доступ к Сети есть также в большинстве гостиниц: в некоторых отелях предусмотрено подключение прямо в номере.
Почтовые отделения имеются во всех городах страны (главное находится в Степанакерте по адресу: улица Акопа Акопяна, 30) и открыты с понедельника по пятницу с 9:00 до 17:00, с часовым перерывом на обед с 13:00 до 14:00. Почта, отправленная в Карабах и из Карабаха, доходит до адресата в течение 7—14 дней, в зависимости от страны отправителя и страны адресата. Почтовый индекс: 375000.



Основные вехи истории Арцаха

II в. до н. э. — IV в. н.э. С начала II века до н.э. регион входил в состав Великой Армении как провинция Арцах (в греко-римских источниках — Орхистена). С этой эпохи на территории Нагорного Карабаха развивается и распространяется армянская культура. В I веке до н.э. армянский царь Тигран II Великий построил здесь город Тигранакерт — один из четырех городов того времени, носивших его имя. После раздела Армении в IV веке н.э. Арцах отошел к Кавказской Албании (подвассальной Персии), которая в свою очередь прекратила свое существование в начале VIII века во время нашествия арабов.

IX—XI вв. Территория Нагорного Карабаха входит в состав Армянского государства Багратидов.

Начало IX в. Под предводительством Сахла Смбатяна на территории Нагорного Карабаха образовывается армянское феодальное княжество Хачен.

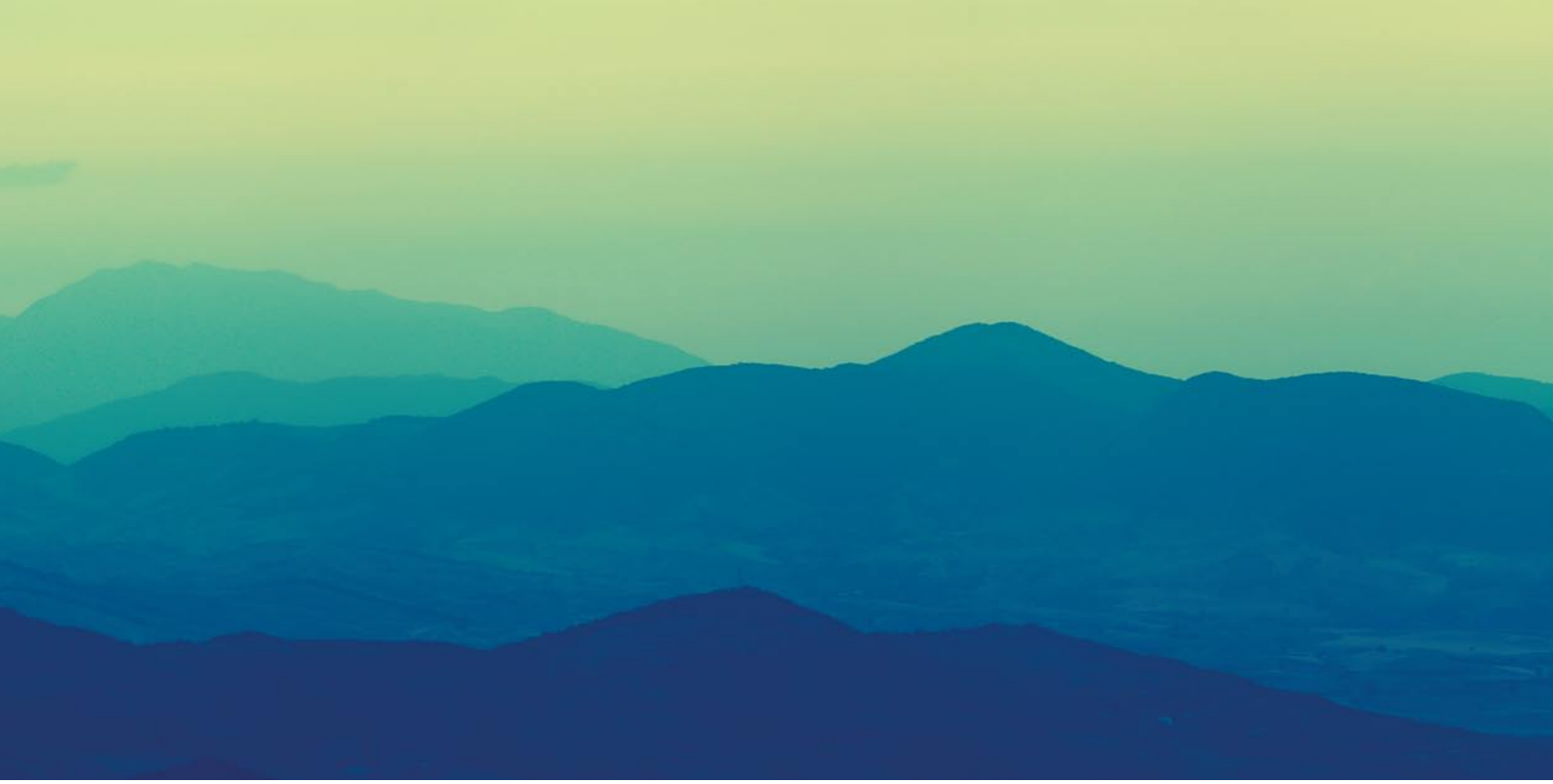
Конец XVI — начало XVII вв. После распада Хаченского княжества на его месте возникают пять армянских княжеств (Хачен, Дизак, Варанда, Джраберд и Гюлистан), которые стали называться меликствами Хамсы — (от арабского «хамса» — «пять, патерица»). Эти княжества (меликства), подчинявшиеся беглербеку Карабаха с резиденцией в Гяндже, просуществовали до конца XVIII века.

1720-е гг. Нагорный Карабах становится одним из центров национально-освободительной борьбы армян против шахского Ирана и Османской Турции.

1747 г. В Равнинном Карабахе образовывается Карабахское ханство, которое вскоре устанавливает власть над преимущественно армянонаселенным Нагорным Карабахом: первые два карабахских хана — Панах Али-хан и Ибрагим Халил-хан — подчинили своей власти армянских меликов, утвердившись в центре армянского меликства Варанда — в построенном Панахом городе-крепости Шуши. В результате междоусобиц армянских меликов впервые за свою историю Нагорный Карабах оказался под властью тюркского правителя.

XVIII в. С середины века происходит отток армянского населения из Нагорного Карабаха и массовые переселения тюрков в регион.

1805 г. Во время Русско-персидской войны ханство занимают русские войска.



1813 г. По Гюлистанскому договору вместе с другими северо-восточными провинциями Восточной Армении к России переходят также Гянджинское и Карабахское ханства.

1822 г. Происходит ликвидация ханства. Нагорный Карабах сначала становится частью Карабахской провинции, затем входит в состав Елизаветпольской губернии России.

1918 г. После развала Российской империи Карабах фактически становится государством, управляемым Национальным собранием Карабаха.

1920—1921 гг. С установлением советской власти Нагорный Карабах сначала провозглашается частью советской Армении, однако позже включается в состав Азербайджанской ССР, хоть и с предоставлением областной автономии, «исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном».

2 сентября 1991 г. На совместной сессии Нагорно-Карабахского областного и Шаумянского районного Советов народных депутатов принимается Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики в границах Нагорно-Карабахской автономной области и сопредельного Шаумянского района Азербайджанской ССР.

10 декабря 1991 года. Проводится референдум о статусе НКР, 99,89% участников которого высказываются за ее независимость. В том же году между Нагорно-Карабахской Республикой и Азербайджаном начинается военный конфликт.

1992—1994 гг. Попытка Азербайджана уничтожить НКР путем массового военного вторжения и бомбардировок мирного населения проваливается. Несмотря на большой численный перевес азербайджанской армии, армянским вооруженным силам Карабаха удается не только отразить вторжение, но и расширить территорию НКР, создав из окружающих ее районов Равнинного Карабаха «пояс безопасности».

Май 1994 г. Между НКР и Азербайджаном подписывается Соглашение о прекращении боевых действий, которое зафиксировало фактически сложившиеся границы Нагорно-Карабахской Республики. Этот статус-кво сохраняется и по сей день.

история бессмертия

Ночью в небе над селом Ванк можно увидеть необычное сияние — на украденном у кромешного мрака пятачке света вырисовывается гордый силуэт христианского храма. Только утро обнаружит под ним «гору сокровищ» — Гандзасар, давшую имя некогда вросшему в нее монастырю и церкви Сурб Ованес Мкртич (Святого Иоанна Крестителя). По свидетельству историка VII века Мовсеса Каганкатваци, именно здесь захоронена одна из величайших христианских реликвий — голова святого, крестившего Иисуса.

Текст **Анна Лоренц** | Фото **Айк Мелконян**













→
Вид на село Ванк из Гандзасара

Свидетельство о рождении

Стены сохранили все метрические данные о рождении Гандзасара: «Именем Святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа надпись свою повелел выбить я, слуга Божий Джалал Дола Хасан (...), властитель высокого и великого края Арцахского, царь Хохнаберда с обширными провинциями. Отец мой перед (...) безвозвратным уходом из мира сего завещал мне и матери моей Хоришах (...) построить церковь и кладбище отцов наших в Гандзасаре, (строительство) которой начали мы в 765 году армянского летоисчисления (1216 г.) (...) и закончили милостью и благословением Всемилосердного Бога в 1238 г.». Впрочем, о существовании здесь церкви еще до описанных событий свидетельствуют источники IX—X веков, например, Анания Мокаци (946—968) — и уцелевшие в окрестностях монастыря хачкары 1174, 1182 и 1202 гг. Гандзасар уже тогда был местом политических и религиозных сборов.

Но второе рождение святыни было ознаменовано особыми событиями. По словам историка Киракоса Гандзакеци, среди присутствующих на торжествах освящения церкви 22 июля 1240 года в день большого праздника Вардавар одних только священников было семьсот человек. Причем в данном случае число важно именно как показатель значимости события. Небывалый по тем временам ажиотаж в связи с освящением церкви в стране великого множества храмов случайным быть не мог.





О великой тайне Гандзасара рассказал Мовсес Каганкатваци. В его «Истории страны Алуанк» есть глава «О честной голове Иоанна Крестителя, о том, как она была доставлена в гавар Арцах и помещена в святом Гандзасаре, где находится престол Алуанка»



↓
Алтарь церкви Сурб Ованнес Мкртыч



Тайна горы сокровищ

О великой тайне Гандзасара рассказал другой историк — Мовсес Каганкатваци. В некоторых редакциях перевода его «Истории страны Алуанк» есть глава «О честной голове Иоанна Крестителя, о том, как она была доставлена в гавар Арцах и помещена в святом Гандзасаре, где находится престол Алуанка». Вот такие армянские страницы в истории блужданий редчайшей священной реликвии. В течение столетий голова святого Иоанна переходила из рук в руки, пока не попала в Иверию (Грузию) «к брату Джалала Дола Хасана, владетеля Арцаха. В 1211 году Джалал Дола поехал к брату своему и попросил у него святую голову, но тот никак не соглашался отдать ее добровольно. Тогда Джалал Дола силою отнял ее у брата и привез в края Гандзак, в гавар Арцах, в родовую усыпальницу свою. И поместил он ее там и над ней построил удивительную и восхитительную кафедральную церковь во славу Бога Христа и Крестителя Его святого Иоанна. А в день освящения церкви назвал ее именем святого Иоанна Крестителя». ▸

Святые грешники

Веселых историй смерти не бывает. Но то, что случилось с Джалалом Долой, напоминает истории о мученической смерти святых. Он попал в плен к иноверцам, и те пытками и унижениями хотели заставить его принять мусульманство. Но Джалал был тверд в своей вере. Его убили, и разрезанное на куски тело передали сыну Атабеку, который и захоронил останки отца.

В притворе, примыкающем к церкви Ованеса Мкртича и служившем родовой усыпальницей князей Хасан-Джалалянов, где покоятся многие представители этого рода, мне показали надгробную плиту Хасана Джалала Благочестивого. Она находится прямо у входа в церковь, и, как ни пытайся, чтобы переступить порог, приходится встать на нее. Оказывается, это не случайность — место своего захоронения Дола указал сам, чтобы все, кто придет в церковь, неизбежно прошли по его могиле — во искупление грехов покойного. И отчего-то сразу подумалось: интересно, «силою отнять», а точнее, выкрасть голову Предтечи Спасителя у брата — это грех?





←
Вход в притвор
церкви Сурб
Ованнес Мкртыч





И стоит Гандзасар

И живет вера в то, что именно здесь захоронена голова Иоанна, что именно здесь нужно просить Бога о самом сокровенном, и Он услышит тебя. Веками проверено: здесь свершаются чудеса. Одно из них — два ангела, расположившиеся по обе стороны от высокого резного алтаря. Кажется, что это выцветшие остатки фресок. Но нет. Их никто не рисовал. Они сами появились. И с каждым днем рисунок становится четче, на нем появляются новые детали.

Но это не все. Во время Карабахской войны сорок бойцов оказались в окружении на территории монастыря. Шли непрерывные бои, несколько раз в день Гандзасар обстреливали. Но храм уцелел. Участники тех событий рассказывали, перебивая друг друга, и, как мне казалось, не верили собственным словам: «Ракеты летели на Гандзасар, но вдруг в воздухе меняли направление и падали в ущелье». Не десять, не двадцать — сотни! Лишь одна попала в монастырскую стену. И та не взорвалась. По сей день торчит в древней кладке. Ее не трогают, хранят как реликвию. «Мы охраняли Гандзасар, он охранял нас, — заключил один из рассказчиков. — Подумайте сами: сорок человек против четырехсот и постоянные обстрелы с неба! И здесь мы не потеряли ни одного бойца. Более того, не было ни одного серьезно раненного. Слава Тебе, Господи. Это Иоанн Креститель охранял дом свой и его защитников».

Два ангела расположились по обе стороны от высокого резного алтаря. Кажется, это выцветшие остатки фресок. Но нет. Их никто не рисовал. Они сами появились. И с каждым днем рисунок становится четче, на нем появляются новые детали

Храм надежды

Как только не называли Гандзасар — «величайшим чудом», «армянской жемчужиной», «своеобразным в своем совершенстве творением», «церковью, подобной небесному купольному храму»... И все это, если задуматься, попытки не описать монастырь, а выразить чувства, которые он вызывает в людях. Но, побывав здесь, понимаешь, что все старания тщетны, что это невозможно. Хотя... Для того и стоит Гандзасар, чтобы не умирала надежда на возможность невозможного. ■



город-феникс

Шуши — город-феникс, который снова расправляет крылья над ущельем Гунот. Так уж сложилось, что он не раз разрушался почти до основания и строился заново — в 1905, 1920, 1988 и, наконец, 1992 годах. Разграбленным и обращенным в руины увидел его и Осип Мандельштам и, изведав «страхи, соприродные душе», назвал «хищным». И это притом, что город, первые упоминания о котором встречаются в работах средневековых армянских историков, словно находится на вершине окаменевшей волны: с трех сторон он окружен головокружительными ущельями, а с четвертой — неприступной крепостью. Впрочем, приступом его смогли взять лишь однажды — армянские солдаты во время Карабахской войны. Сейчас он оживает снова. Новенькие жилые здания, прекрасные гостиничные комплексы, а буквально рядом — реставрированные или еще не отреставрированные дома, выходящие балконными фасадами на мощеные улицы, все еще хранящие фантомы фаэтонов, в которых разъезжала нарядная публика. Шуши — город, излечивающий от потери эмоций. И своей нарочитой блестящей новизной, и щемящим виноватым прошлым.

Текст **Анна Лоренц** | Фото **Арнос Мартиросян, Айк Мелконян**

















Казанчецоц

Второй по величине после Эчмиадзина армянский кафедральный собор Сурб Аменапркич Казанчецоц был построен в 1887 году по проекту зодчего Симеона Тер-Акопянца из местного белого известняка. Камень этот неподъемно тяжелый и, согласно легенде, делать кладку стен традиционным способом строителям не удалось. Но они нашли интересный выход из положения — выкладывали один-два ряда кладки и засыпали их землей, потом еще один ряд... Словом, когда собор был построен, он представлял собой огромный холм. Потом землю расчистили, и церковь увидела свет божий. И нарекли ее Сурб Аменапркич Казанчецоц, поскольку она была возведена в основном на средства жителей Казанчи — знаменитого села ремесленников, изготовлявших лучшие в округе казаны — кастрюли. Главная достопримечательность церкви — редкий барельеф с изображением Бога-Отца на стене церкви. Но есть еще одна, о которой мало кто знает. В подвальном этаже церкви имеется комната с круглым сводом и квадратным оконцем на самом верху. В разных ее частях разное эхо, и в самом центре человек слышит свой голос как чужой. Дело в том, что в церкви обычно бывает два священника, и один должен отпускать грехи другому перед некоторыми обрядами, чтобы тот мог их отслужить с чистой душой. А в Казанчецоц был только один священник. Вот и сделали для него комнату с «чужим» эхом, чтобы он сам мог отпускать свои грехи. ▸







↑ →
Интерьер
и экстерьер
старинного
шушинского рынка





Канач жам

Есть церкви — столпы христианства — величественные, словно осознающие всю важность своей миссии на земле. А есть такие, как Сурб Ованес Мкртыч, или, как ее нарекли в народе, Канач, которые, кажется, строились для утешения одной-единственной, твоей души.
В народе ее называют по-разному. И если название «Канач жам» (Зеленая церковь) объясняется просто: когда-то у нее был зеленый купол, то по поводу «Кананц жам» (Церковь жен) существуют многочисленные, в том числе крайне неправдоподобные истории. На самом деле название это прижилось после того, как жены офицеров расквартированной здесь в XIX веке русской воинской части попросили выделить им церковь для проведения православных обрядов, ею и стала Канач. Отсюда и еще одно ее название — «Русская».
Согласно строительной надписи, Сурб Ованес Мкртыч была сооружена в 1847 году.
В советские времена там устроили галерею минеральных вод. Прямо на алтаре разместили большую железную цистерну. В храме поставили ванны, в которых часами лежали курортники — отмачивали в целебных водах нажитые в соцсоревнованиях мозоли. Только потом, когда принялись все это демонтировать, выяснилось, что никакой целебной воды тут никогда и не было. А в ванны поступала подогретая в церковных подвалах обычная вода. Но этот обман обошелся церкви дороже, чем отдыхающим: вода и сырость повредили основание стен и полностью разрушили лестницы. ▸



Верхняя (Большая) мечеть

Персидская мечеть конца XIX века, одно из ценных культовых сооружений периода Шушинского ханства, — великолепная экзотика для глаза, привыкшего видеть небо между крыльями крестов.

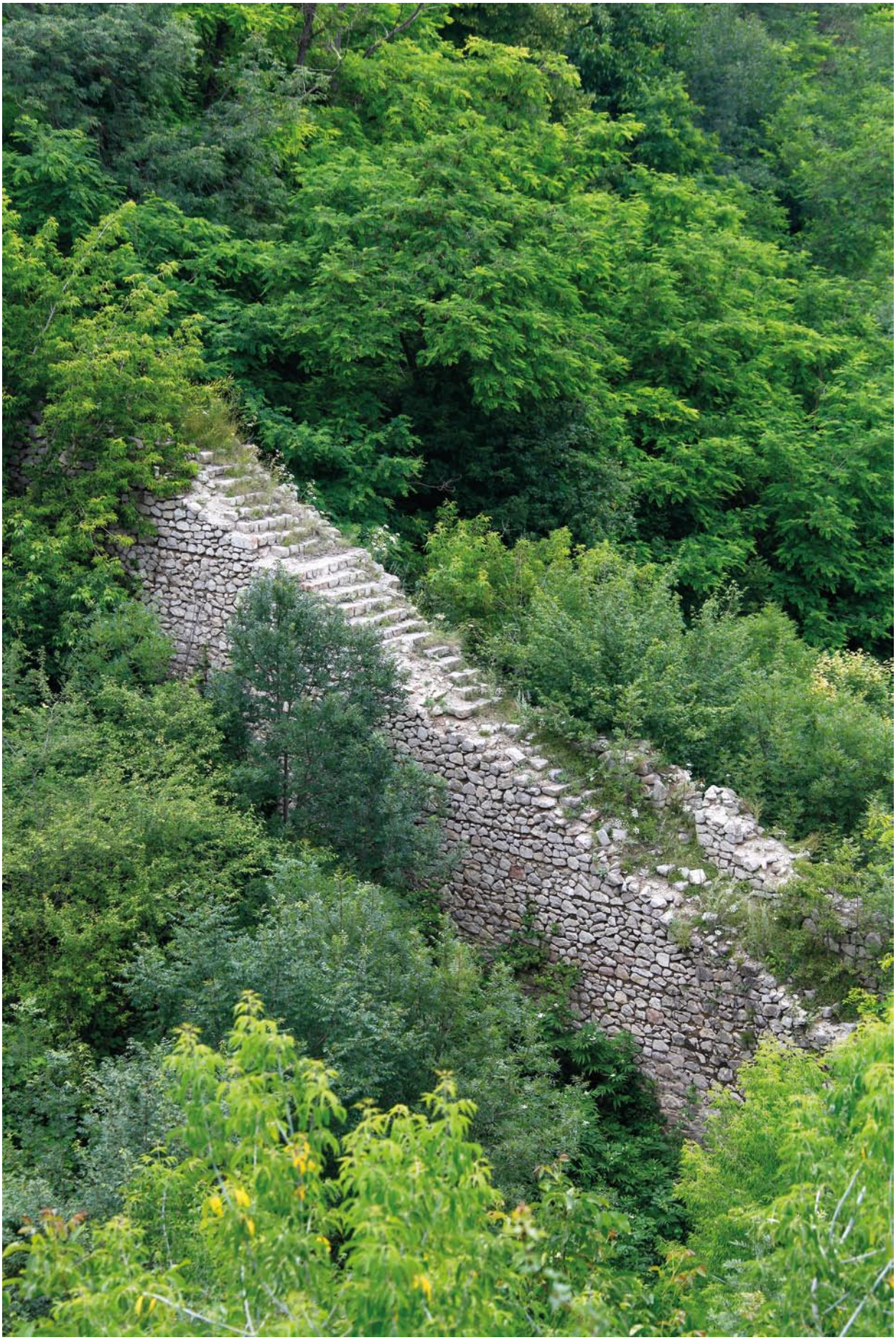
Просторное и светлое здание мечети было возведено в 1883 году по проекту архитектора Кербалу Сефихана. Охраняемый государством памятник был основательно отреставрирован в советские годы, и в свое время в нем располагался музей истории города. Стены, воздвигнутые из нетесаных камней, покрыты известковой штукатуркой. По южной и северной сторонам мечети — строения размерами 26,5 на 21,5 метра, возвышаются два минарета, облицованные кирпичом и украшенные цветным геометрическим орнаментом. Богато декорированы и две маленькие двери, расположенные по бокам от арочного центрального входа. Передняя просторная трехарочная зала, облицованная тесаными плитами, создает ощущение света и простора. Со двора к главному входу ведут каменные лестницы. Довольно своеобразен и



интерьер мечети: вдоль фасада в два ряда тянутся маленькие окна, а по обеим сторонам залы расположены соединенные арками колонны, на которые опирается довольно массивное арочное перекрытие. Венчают убранство залы высокие балконы-антресоли, расположенные над арками. ▸













Шушинская крепость

Твердыня, воздвигнутая в 1750—1752 годах, загородила единственно возможный доступ к городу и сделала его неприступным. Дьякон Акоп Шушеци описал ее в «Истории области Арцах»: «...с пятьюдесятью башнями и с крепостными стенами длиною в пять тысяч локтей (2,5 километра) и высотой 7—8 метров». Шушинская крепость имеет и свой потайной ход — выдолбленная в скалах лестница, начинаясь у ее южных Ереванских ворот, через лабиринты многочисленных пещер выходит в ущелье реки Каринтак. Говорят, грозный мелик Шахназар II по окончании ее строительства убил соорудившего этот ход архитектора, чтобы никто, кроме него, не знал его тайну. ■



...и слава Христу

Камень в основание Амарасской церкви заложил в начале IV века сам Григорий Просветитель. Завершил же строительство его внук — епископ Григорис. С конца 30-х годов IV века и вплоть до XIX монастырь был епархиальным центром. Но главное — именно здесь Месроп Маштоц открыл первую армянскую школу.

Текст **Анна Лоренц** | Фото **Арнос Мартиросян**







Когда мы свернули с асфальтовой дороги на грунтовую, сквозь клубы пыли все окружающее стало восприниматься в приглушенных, как на старой фотографии, тонах. Мы едем в один из первых очагов христианства — монастырь Амарас. Именно здесь неопытная рука первого ученика Маштоца старательно выводила недавно рожденные буквы. Догадывался ли кто тогда, что ими будут написаны тысячи и тысячи томов книг, уцелевшую часть которых потомки соберут в одном из самых больших хранилищ древних рукописей — Матенадаране?!

Машина останавливается у полуразрушенной арки. Через маленький дворик прохожу в большой, в центре которого стоит сама церковь. Тень Маштоца, скользящая по шероховатым, изъеденным временем стенам келий, кажется здесь реальнее живых людей — не иначе души человеческие после смерти остаются в делах, в которые их «вложили» при жизни.

Вышедшая навстречу женщина интересуется, хотим ли мы купить свечи или встретиться со священником.

— Святого отца нет. Его вызвали в Шуши к епископу. А места эти вам и сторож покажет — мой муж. Сейчас позову. Сергей, Сергей!

Сторож Сергей торопливо спускается с крутых лестниц двухэтажного дома настоятеля монастыря.

— Не тужи. Сейчас тебе все как есть покажу, как было расскажу. Я ведь все книжки, что у святого отца есть, прочитал. От ворот и начнем.

В 1387 г. Тамерлан приказал выстроить свое войско в ряд от Амараса до самой реки Аракс, чтобы солдаты, передавая друг другу камни разрушенного монастыря, бросали их в воду. Но не успели захватчики покинуть разоренный край, как монастырь возродился вновь

Словно выученный наизусть рассказ монастырского сторожа на чистейшем литературном языке смешно перемежается вольными комментариями на родном наречии.

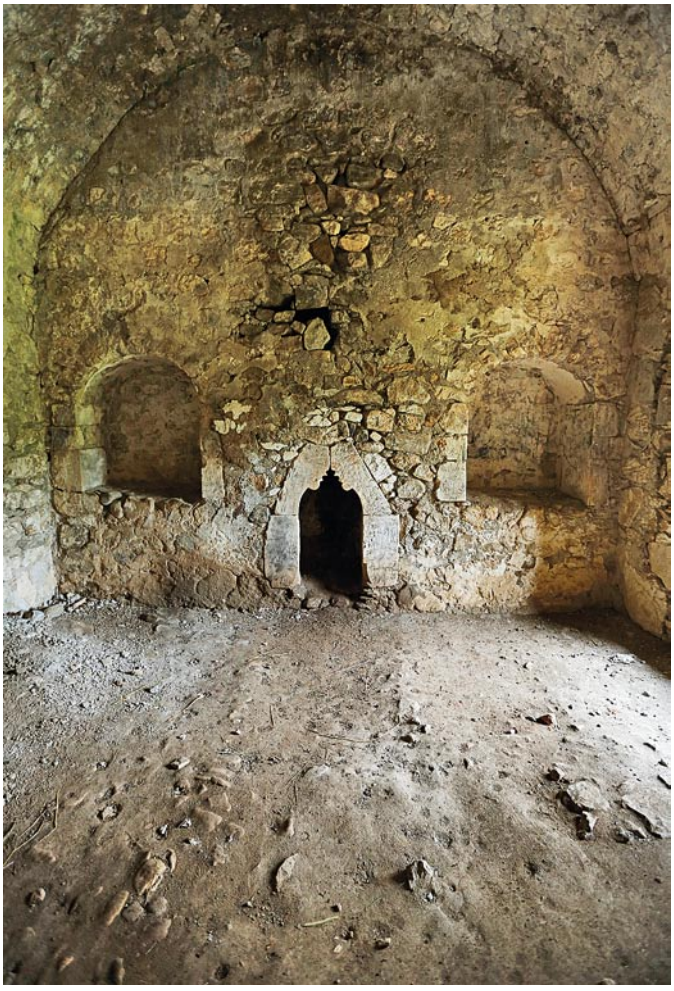
— Видишь оконце, там, над воротами, будто каменным полузонтом прикрыто? Это хитрость такая. Скажем, приблизится к воротам пеший человек или конный, а тем паче арба, спросят разрешения войти. Надо узнать, кто сей пришелец, с миром ли явился? А вдруг разбойник какой? Ворота открывать опасно. Вот в это оконце и спускали канат. Гость прикреплял к нему письмо с объяснением, зачем пришел, и его передавали священнику. Дозволит он ему войти — милости просим. Не дозволит — от ворот поворот.

Мы проходим в маленький хозяйственный двор. Его от второго — монастырского — двора отделяли еще одни ворота. Дополнительная преграда для захватчиков. Сейчас



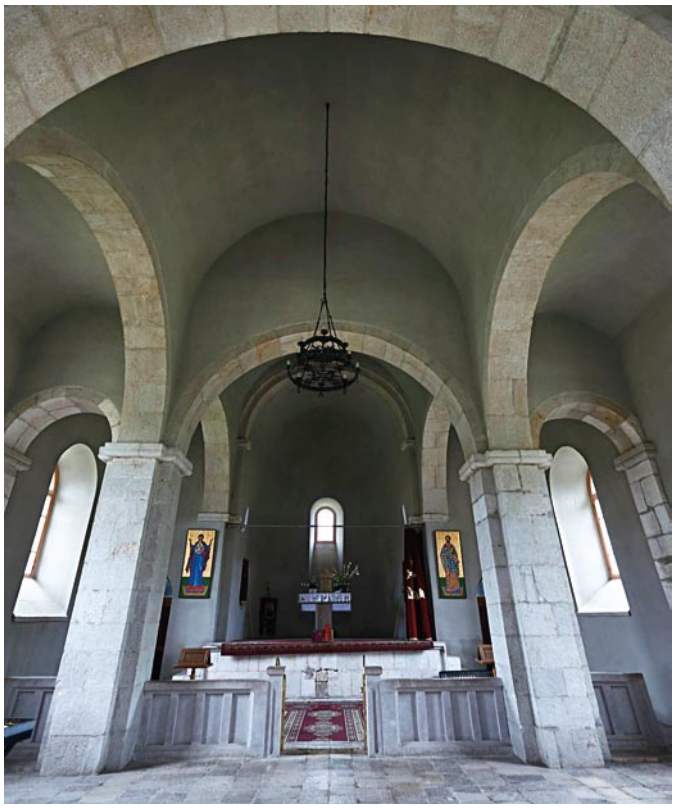
← Двор монастыря Амарас

→ Интерьер церкви монастыря Амарас



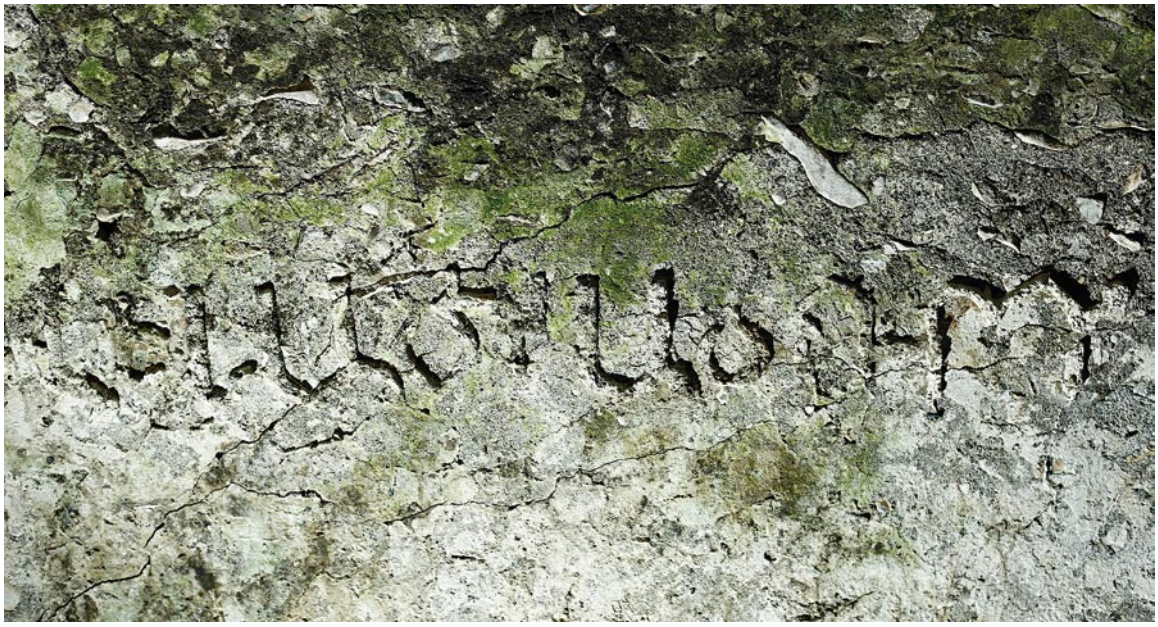
→
Монастырская трапезная

там зияет арка. По правую руку, до самого конца монастырской стены — конюшни. На каждого коня — по отдельному стойлу, с выдолбленными в камне яслями для сена. И отверстия сбоку, чтобы уздечку привязывать.
Проходим вторую арку. Справа, в самом начале череды монастырских построек небольшое строение — та самая старая церковь, которую основал Просветитель. Вот она — одна из точек отсчета христианской эры.
О том, сколько раз монастырь разрушался и был восстановлен, свидетельствует множество высеченных на камнях надписей с именами благотворителей и строителей. Впервые его пытались уничтожить уже в V веке, вероятно, во времена Вардановских войн (451 г.). Причем этому способствовали фанатичные персидские маги. Позже, в IX веке, его восстанавливали после арабских нашествий. В 1223 году монголо-татары унесли сокровища монастыря, в том числе посох св. Григориса и золотой крест, украшенный 36 драгоценными камнями.
Однако восстанавливали его с не меньшим тщанием, чем разрушали. Согласно преданию, в 1387 году, когда нашествию орд Тамерлана подверглись многие церкви Арцаха, грозный военачальник приказал выстроить свое войско в ряд от Амараса до самой реки Аракс, чтобы солдаты, передавая друг другу камни разрушенного монастыря, бросали их в воду. Но Аракс не стал рекой забвения. Не успели захватчики покинуть разоренный край, как монастырь возродился вновь.



— В XVIII веке восстановил строения монастыря, построил множество комнат, келий, подсобных помещений и соорудил вокруг него ограду мелик Варанды Шахназар II, — заученно выдает гид и опять переходит на родной говор. — Только церковь он не успел восстановить. Умер. Правда, перед смертью позвал сыновей, передал им полный золота кувшин и выразил последнюю свою волю, чтобы они на эти деньги восстановили церковь. Потупили они взор, приняли дар отца, а как только тот Богу душу отдал, забыли о завещании. Ах, люди... Ах, деньги... Пошли дальше. Вот эта комната, видишь, побольше. Тут жениха и невесту венчали. Взгляни, какие камни на печи — два профиля голова к голове. Тут и застолье свадебное устраивали.
А вот и та самая школа, где Маштоц был учителем. Здесь он три последние буквы алфавита придумал. Присмотрись хорошенько, там, на потолке, армянские буквы высечены. Да только что там написано, не знаю. В книжке об этом ничего не было, а так не разберешь.
Посередине сводчатого потолка и правда высечены буквы. Хорошее место, там они не сотрутся, уцелеют.
— Но алфавит не золото, спрятав, не сохранишь. Его, как зерно, сеять надо и взращивать. Вот и основал Месроп школу. И взросли семена, — философствует мой спутник.
Теперь на монастырских стенах маштоцевскими буквами высечено множество надписей. На одном из найденных здесь хачкаров археологи прочли: «В лето армянское 540 (1091 г.). Я, инок Абраам, воздвиг сей крест. Поминайте меня в молитвах





→
На потолке помещения, где располагалась школа, выбиты армянские буквы

ваших. (Сей крест) составил я, Казар. Поминайте меня (в молитвах) к Господу Иисусу Христу». Неподалеку и другие надписи — красками на древней кладке: «Здесь были Нуне и Зарик», «Я сюда пришел. Гуго». Воистину, кому не дано оставить след в истории, тот непременно норовит в ней наследить.

— А рядом хлеб пекли. Пусть не хлебом единым, но ведь и им тоже. Смотри, и турун (так в Карабахе называют тонир) есть, и печка, и складское помещение. По этой стороне — жилища служителей церкви. А в углу, прости Господи, их отхожее место. Туалет, значит. Ну что еще рассказать. Это — жилища мирян. Вообще, здесь было что-то вроде коммуны. Простые люди жили, работали, платили церкви налог, совсем как теперь государству. Здесь и отец мой родился, и в школе этой грамоте обучался. Вот он бы тебе как надо рассказал о тех временах. Да куда там — нет его.

Из свидетелей, способных подробно рассказать о многовековой истории монастыря, остались только книги. Правда, жизнь, застывшая на пергаментных листах, делится не на восходы и закаты, а на подзаголовки и параграфы.

Во второй четверти XIX века монастырь Амарас на некоторое время был превращен в таможню. Какие только языки не звучали под монастырскими сводами! Здесь останавливались торговые караваны, шедшие с Востока в Россию и Европу. Это был период расцвета — монастырь владел обширными землями, садами, мельницами, усадьбами...

На небе густеют тучи, накрапывает дождь, и мы прячемся под арочными сводами монастырской церкви. Построенная в 1858 году из тесаного белого фельзита, она рядом с древнейшими постройками похожа на новострой. Особенно после недавних восстановительных работ. На одной из ее стен драма истории предстала в виде фарса: именно здесь, где фактически началась история армянской письменности, камень с надписью уложили в стену храма вверх тормашками. Не разобрали незадачливые рабочие не только содержание надписи, но даже верное направление букв родного алфавита.

И снова провал во времени. Сергей открывает ворота подземного хода прямо посреди церкви, и нас обдает могильным холодом. Это вход в святая святых монастыря — подземную усыпальницу мученика св. Григориса, расположенную под алтарем. Спускаемся. Старое разбитое надгробие лежит теперь наверху, под церковными сводами. Здесь установили новое — точно такое же. И надпись та же: «Усыпальница святого Григориса, католикоса Алуанка и внука святого Григория Просветителя Партева. Родился в лето 322, помазан в лето 340 и предан мученической смерти в лето 348 в Дербенте царем маскутов Санесаном, святые мощи привезены в Амарас его последователями — дьяконами из Арцаха». Даже привычный к здешним местам Сергей замолчал. И только при выходе отчего-то шепотом поделился маленьким хозяйственным секретом.

— Мы с женой в жаркое время здесь хлеб храним. И, знаешь, не портится!

Вот и все. Сторож храма провожает нас до самых арок, где когда-то висели массивные ворота, охраняющие святыню от нашествий, а теперь гуляет вольный ветер. Амарас прощается с нами раскатами грома. Дождь смывает пыль, открывая потрясающую картину: ослепительно белая церковь на фоне теплой зелени холмов. А в голове звучат три слова — названия трех последних букв армянского алфавита, которые Месроп Маштоц отдал своему народу в этом монастыре: «... и слава Христу». ■

Из свидетелей, способных подробно рассказать о многовековой истории монастыря Амарас, остались одни только книги. Правда, жизнь, застывшая на пожелтевших пергаментных листах, делится не на восходы и закаты, а на подзаголовки и параграфы





один день в XIX веке

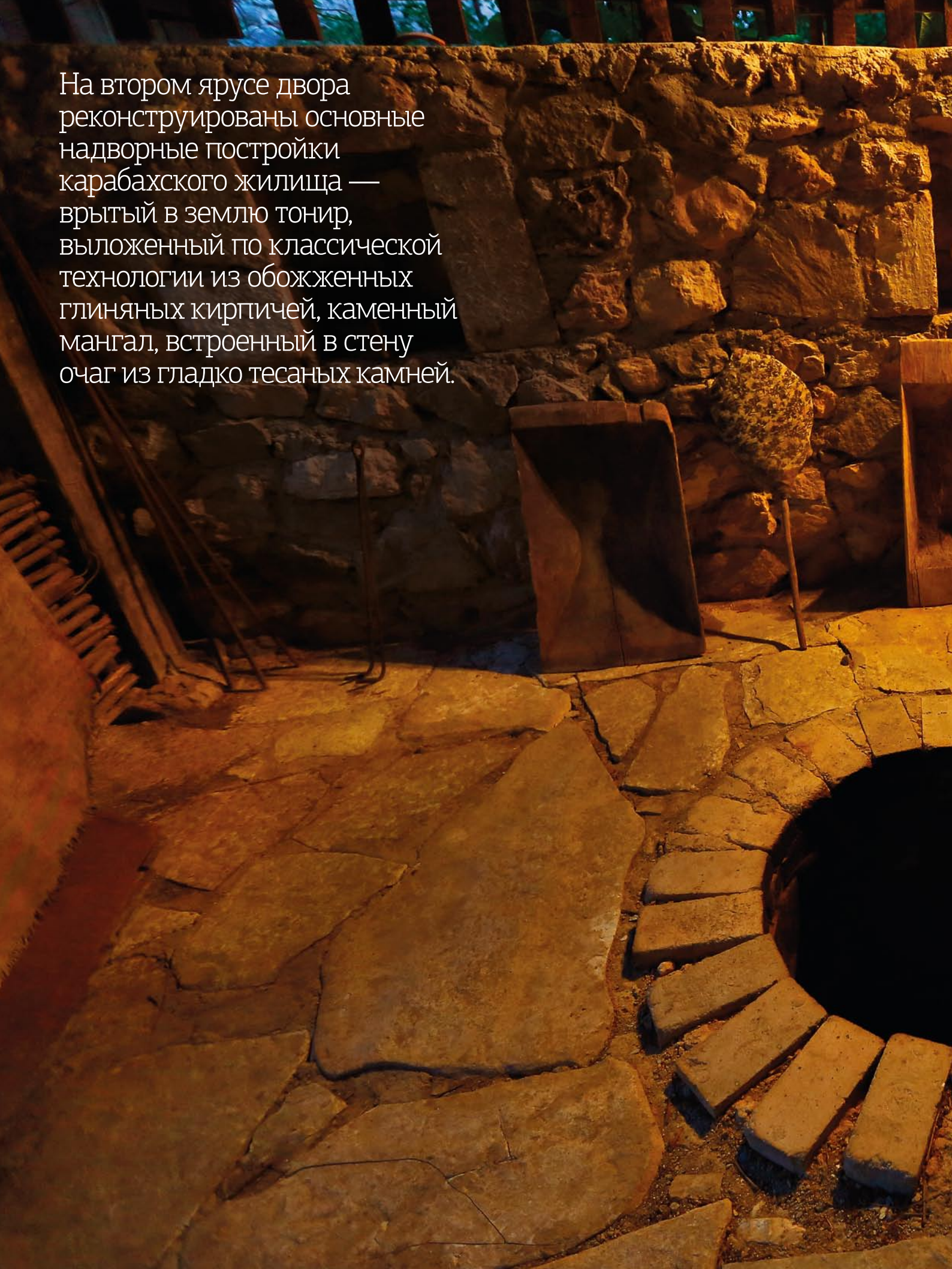
В селе Цахкашат появилась улица XIX века. Этот этнографический квартал — одно из самых любимых туристами мест в Арцахе. И не только потому, что быт арцахского села воссоздан в нем с неимоверной скрупулезностью. Здесь можно устроить традиционный карабахский пикник: самому испечь в тонире хлеб, приготовить шашлык или женгялов хац — словом, прожить один праздничный день из жизни арцахского сельчанина XIX века. Впрочем, изначально идея была куда скромнее — началось все с того, что общественный фонд «Национальное наследие» восстановил родной дом национального героя, фидаина Никола Думана и открыл в нем мемориальный музей. Он расположен в доме, построенном в 1912 году родителями Никола Думана.

Фото **Арнос Мартиросян**



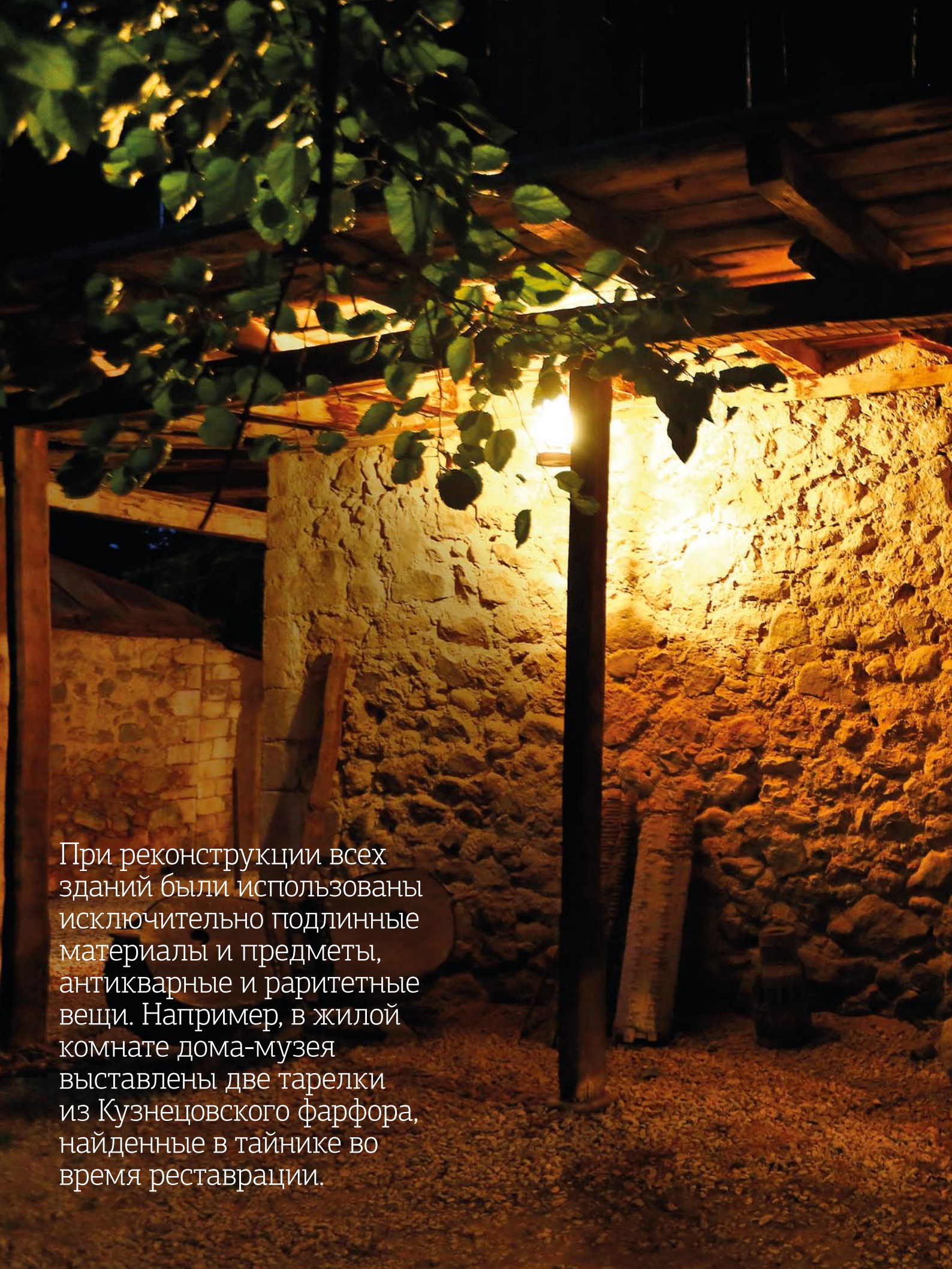


Рядом с музеем находится хозяйственная комната с древней маслобойкой, пяльцами, карасами для хранения вина, амбарами, точильным станком, ручной мельницей-зернотеркой. Неподалеку расположен родник, оформленный в виде старинного чеканного кувшина, из которого вода льется в глиняный карас.



На втором ярусе двора реконструированы основные надворные постройки карабахского жилища — врытый в землю тонир, выложенный по классической технологии из обожженных глиняных кирпичей, каменный мангал, встроенный в стену очаг из гладко тесаных камней.





При реконструкции всех зданий были использованы исключительно подлинные материалы и предметы, антикварные и раритетные вещи. Например, в жилой комнате дома-музея выставлены две тарелки из Кузнецовского фарфора, найденные в тайнике во время реставрации.





В одном из восстановленных домов есть комфортабельная гостевая комната, а на первом этаже другого расположены маран (винный погреб) и сувенирная лавка. В 2007 году в этнографическом квартале был отреставрирован дом еще одного фидаина — Ханасори Вардана.


SOUVENIRS



место особого значения

Есть места не просто красивые или интересные. У них какой-то свой способ воздействия на человека, включающий, но никак не ограничивающийся воздействием на известные пять чувств. Они в равной степени притягивают и пугают. Причем именно в этой последовательности, при которой невозможно ни уйти, ни остаться навсегда. В Арцахе такое место особого значения — монастырь Дадиванк.

Текст **Анна Лоренц** | Фото **Айк Мелконян**











Пару лет назад я ехала в Дадиванк впервые и налегке. Знала только, что «Дади — один из тех семидесяти, кто пошел по приказанию святого Тадея (Фаддея) в северные края Великой Армении, пал от руки Абгара, был привезен и похоронен в Малом Сюнике, и на (этом) месте был построен монастырь и назван Дади по его имени». Так пишет в своей «Хронике» средневековый армянский автор Микаэл Асори. Умер Дади на самой заре христианской эры — во второй половине I века. Первая же, самая древняя церковь монастыря была построена на месте могилы Дади в IV веке, уже после официального принятия Арменией христианства. А уже в V веке Дадиванк стал епископской резиденцией.

Сейчас я еду туда уже во второй раз и знаю, чего ждать. Это пугает. Боюсь не испытать снова, а значит, потерять, погубить и то, что уже было. Но нет. Машина остановилась, мы встали лицом к лицу и узнали — каждый себя и друг друга.

***

Он похож на покинутый город. Эти стены сохранили не только память о своем назначении, но и чувство собственной значимости. Иначе не объяснишь, почему я вошла на территорию монастыря именно через арку, оставшуюся от парадных ворот, в то время как на обозримом пространстве нет даже остатков монастырской стены.

Первым делом, конечно, иду к колокольне, построенной в XIII веке епископом Саргисом, сыном князя Ваграма из рода Допянц. Бывшей колокольне. Много веков назад она была перестроена и стала вместилищем для двух хачкаров. Каких хачкаров! «...Нигде, ни в каком монастыре не имеют (они) себе равных», «если они и не самые лучшие среди подобных памятников, то невозможно указать на другие, более совершенные», — писали о них специалисты. По преданию, узор этот взят с вышивок княгини Хачена Арзу-Хатун.

Вьется под пальцами тончайшая каменная нить — не все, что тонко, рвется.



На недавно выложенной кладке высится надгробие — простая, грубо отесанная каменная плита с выбитыми на ней крестами. Это тоже хачкар. Тринадцать веков веры и терпения понадобились, чтобы научиться плести каменное кружево





Дадиванк

Есть у Дадиванка и второе название — Хутаванк, что в переводе означает «монастырь на холме». В ряде армянских источников монастырь упоминается как Аракелоц (Апостольский), а Мхитар Гош именует его Аракеладир, то есть «основанный апостолом». Ряд фактов позволяет предположить, что Дадиванк был построен на месте одного из дохристианских сакральных центров. То есть выбор места для могилы Дади, несущего свет христианства от апостола Фаддея, был отнюдь не случайным.

В 1994 г. монастырь был вновь освящен.

***

Впрочем, вклад княгини в чудо Дадиванка кружевами к хачкару не ограничивается. Надпись на стене соборной церкви Арзу-Хатун (1214 г.) — центра архитектурного комплекса монастыря — гласит: «Благодатью всемогущего Бога-Отца и единородного Сына Его Иисуса Христа и дарением Наисвятейшего Духа я, покорная слуга Христа Арзу-Хатун, дочь князя князей великого Курда и супруга владыки Атерка и всего Верхнего Хачена царородича Вахтанга, с великим упованием построила святой собор на месте могилы мужа моего и детей моих...»

Всего несколько шагов отделяют век тринадцатый от первого. Кровля мартириума, где находится могила Дади, разрушена, и стены похожи, скорее, на ограду. Посередине, на недавно выложенной, уж очень ровненькой кладке, высится надгробие — простая, грубо отесанная каменная плита с выбитыми на ней крестами. Это тоже хачкар. Тринадцать веков веры и терпения понадобились, чтобы научиться плести каменное кружево. ▸







***

В притворе-часовне епископа Григора сыро. Кажется, с того самого XIII века, когда ее построили. Это было время расцвета монастыря — Дадиванку принадлежали сады, пастбища, деревни... Тут и гостиницы были, и мастерские, и книгохранилище. Говорят, в некоторых из замурованных в стены для лучшей акустики кувшинах в разное время находили припрятанное епископами золото.
Что ни говори, а даже здесь, должно быть, люди гибли не только за веру.

***

Спускаюсь по небольшому холму, мимо пустующих келий. Это самые интересные, по мне, постройки в любом монастыре — хозяйственные. Сворачиваю, перепрыгиваю, спотыкаюсь и... оказываюсь в черной яме. За пару минут глаза привыкают к темноте, и я понимаю, что стою лицом к стене, на которую беспорядочно налеплены маленькие камешки. Каждый — материализация какого-то желания. Загадываешь, подносишь к стене — если прилипла, исполнится. И, что интересно, прилипает. Невольно задумываешься: из чего эту смесь для штукатурки изготавливали?
А в соседнем помещении до реставрации чуть не из-под потолка торчала глиняная труба. Сейчас ее уже нет. А вот внушительных размеров бассейн под ней сохранился. Из него такие же трубы ведут в три врытых в землю караса (большие глиняные кувшины). «Баня», — подумала я, увидев все это впервые. Но потом из книг и расспросов узнала, что здесь готовили сыр, масло. А та труба под потолком, по версии местных жителей, спускалась с гор, с пастбищ. Там доили коров, а молоко по трубе сливали сюда. Словом, инновационные средневековые технологии.

В народе монастырь Дадиванк называют чуть иначе, чем в книжках. А именно — Дативанк. На армянском «дат» означает «суд». И название обретает совершенно новый смысл — «монастырь суда». И «суд Божий» тут абсолютно ни при чем

***

Соседнее помещение — сплошь черное от копоти. Купол поддерживают четыре колонны. В их основании проделаны отверстия. То ли к ним цепями привязывали жертвенных животных, то ли... Жители соседнего села уверяют, что к ним приковывали людей. Вообще, странные вещи здесь рассказывают, что якобы в округе похищали сельчан, уводили в монастырь, пытали и даже казнили.
Но ведь инквизиции в Армении никогда не было. Может, просто болтают... Но есть еще одна маленькая, но немаловажная деталь: в народе монастырь называют чуть иначе, чем в книжках. А именно — Дативанк. На армянском «дат» означает «суд». И название обретает совершенно новый смысл — «монастырь суда». И «суд Божий» тут ни при чем. ▸



Раскопки в Андаберде

Во время раскопок, проведенных в 2004 году недалеко от Дадиванка, на территории крепости Андаберд, были сделаны уникальные находки. В их числе около 50 хачкаров, среди которых — «Андабердская мадонна» с изображением женщины, кормящей грудью младенца, по оценкам специалистов, являющаяся шедевром мирового искусства.



← Хачкар на могиле великомученика Дади

→ Хозяйственные помещения монастыря

Может, случайность, ведь разница в одной только буковке. Расспросы результатов никаких не дали, но в книге советских времен о памятниках архитектуры Нагорного Карабаха я нашла то, что, скорее всего, имеет отношение к «кровавой тайне» Дадиванка. Начиная с XVII века монастырь постепенно терял свои земли. Посетивший эти места в середине XIX века архиепископ Саргис Джалалянц увидел здесь древние святилища, превращенные в пастбища «для стад овец и скота». От Дадиванка остались лишь руины, которые «служили укрытием для разбойников, совершавших набеги на Арцах».

Может, тогда и заменила в названии монастыря одна буква другую?



Стою у алтаря и пристально всматриваюсь — ничего. И вдруг на штукатурке проступает лицо. Потом рука, одежды... Вот и второй человек, третий... Церковь наполняется людьми. Да вот же они — все двенадцать



***

Я уже собиралась уходить, как вдруг вспомнила. Во всех источниках пишется о фресках на стенах церкви Арзу-Хатун. Я здесь уже второй раз, а фресок опять не увидела. Возвращаюсь. Стою у алтаря и пристально всматриваюсь — ничего. Мысленно разбиваю поверхность на квадраты и изучаю каждый — пусто. И вдруг на штукатурке проступает лицо. Потом рука, одежды... Вот и второй человек, третий... Церковь наполняется людьми. Да вот же они — все двенадцать. И как же я их не видела! А может, они только сейчас появились? Здравствуйте! И я стою как вкопанная. Долго стою. Пора уходить, а выйти страшно. Страшно, что они уйдут со мной и опять останутся голые стены. И никого, никого... Пустота. До тех самых пор, пока ее не наполнит собой кто-то другой — тот, кто придет сюда после меня. ■



достойный своего царя

Знания, чутье, удача… Наверное, все это должно было совпасть, чтобы привлекший внимание небольшой белый камень в земле оказался выступом массивной стены цитадели античного города Тигранакерта. В 2005 году в Аскеранском районе Нагорного Карабаха начались работы экспедиции Института археологии и этнографии НАН Армении под руководством Гамлета Петросяна. И пока не завершились. Я еду туда за уникальной возможностью почувствовать себя причастной к царю всех времен одного народа, подданной уже не Его Величества, а его величия.

Текст **Анна Лоренц** | Фото **Арнос Мартиросян**











Ориентир, по которому однозначно понимаешь: доехали! — красующийся прямо у дороги форпост конца XVIII века. Отсюда и начинается восхождение на холм Тигранакерта. Но вот археологов, с которыми мы договорились о встрече, на нем нет. Смотрю по сторонам — да вон же они, внизу. Еще пару шагов, и в машущем нам мужчине узнаю доктора исторических наук Гамлета Петросяна. Этот человек, так естественно смотрящийся в небрежной запыленной одежде, собственно, и начал проводить здесь раскопки. Сейчас археологи снимают средневековый слой — так, новодел по сравнению с тем, что уже не скрыто землей там, на высоте.

— Наверху копает другая группа, — говорит Гамлет. — Точнее, уже завершает свою сегодняшнюю работу. Я ведь вам говорил: начинаем копать в 6, уходим в 12. Знаете, какое пекло тут после полудня! А вы к 12 только пришли...

Ладно, идите, может, Таня и согласится показать вам все. Да. Умный в гору не пойдет. Но не в том случае, когда предстоит увидеть город, не просто названный в честь Тиграна II Великого, а построенный им. И увидеть не когда-нибудь, а сейчас и здесь. В смысле, вот еще чуть-чуть осталось пройти.

— Археологи! Археологи!!!

Призыв из любимого фильма никогда не был столь актуален. А вот и Таня, то есть кандидат исторических наук Татьяна Варданесова. Не то чтобы ученые степени Петросяна и Варданесовой крайне необходимо было назвать именно в этом месте текста, в самом начале, просто в этом месте на земле — среди пыли и грязи они звучат совершенно по-новому, по существу, что ли.

Словом, мы встретились. Все пошли вниз, а мы с Таней — наверх, по кладке массивной стены.





Время раскапывать камни

Мне всегда было интересно, как специалисты решают, что именно на этом месте под землей можно обнаружить нечто интересное. Помню, как раз об этом мы говорили с нашим карабахским другом Сергеем за чашкой кофе в уютном степанакертском кафе, когда он удивил меня признанием:

— Место одной из столиц Великой Армении карабахские армяне знали всегда. Мне было лет шесть, когда дед отвез меня к подножию этой горы и сказал: «Когда-то меня сюда привел мой дед. Сейчас мой черед. Ты должен знать. Именно здесь, под этим холмом, находится древний армянский город Тигранакерт».

— Выходит, люди передавали эту информацию из поколения в поколение, но никто не пытался в буквальном смысле копнуть глубже?

— Нет. Все ждали, когда настанет время.

И время для нас настало — время раскапывать камни.

Таню эта история нисколько не удивила:

— Информация о том, что где-то здесь находится Тигранакерт, на самом деле была. Более того, известно, что на этой территории существовало два Тигранакерта — арцахский и утикский. Последний, предположительно, находится



Место одной из столиц Великой Армении карабахские армяне знали всегда. Мне было лет шесть, когда дед отвез меня к подножию этой горы и сказал: «Когда-то меня сюда привел мой дед. Сейчас пришел мой черед. Ты должен знать»

близ Гянджи. Но дело в том, что местные жители называли разные холмы, на которых, по преданию, был расположен город. Неподалеку даже кое-какие исследования проводили. В результате было обнаружено поселение, и сначала предполагали, что это и есть Тигранакерт. Но тот город был средневековым. Первым всерьез задался целью найти этот античный город Гамлет Петросян.

— А почему именно здесь?

— Место это подходило по ряду параметров. Скажем, было совершенно очевидно, что искать нужно на границе степного и горного Карабаха. С этого холма в хорошую погоду видна аж стена кавказских гор. То есть в случае вражеского нападения — а оно ожидалось с той стороны, куда развернута цитадель, — все передвижения армии были как на ладони. А еще было ясно, что поблизости непременно должен быть источник воды. А он здесь есть. ▸

Крылья белого города

Мы идем по массивной стене из правильных каменных блоков, местами — в шесть рядов. Эти люди строили на тысячелетия.

— Смотри, как стены подогнаны под ландшафт, — любуется Таня. — Видишь эти ленты ступеней, выдолбленные в скале? Считалось, что это лестницы, ведущие к церкви VII века, что на вершине холма. А на самом деле это основания крепостных стен цитадели, на которые укладывали каменные плиты. Просто с южной стороны стены были видны, и камни впоследствии взяли на вторичное использование, то есть растаскали на строительство других зданий. А вот с северной стороны стены ушли под землю, благодаря чему и сохранились. Вот здесь отлично видно, что основу кладки составляет система из нескольких ступенчатых террас.

На стыке камней, как по трафарету, сделаны крестообразные выемки. Такая сцепка на русском называется «ласточкино гнездо», а дословно с армянского — «ласточкин хвост». Не понимаю почему.

— Полые крестообразные выемки служили для скрепления камней деревянными брусками, железной скобой или свинцом. Но деревянных креплений, которые считаются более древним способом, мы здесь не нашли, щели этих стен были забутованы раствором с камнями и отщепом. Это типичная античная квадровая кладка из крупных, правильно обтесанных больших камней в форме параллелепипеда. А вот эти стены — из необожженного кирпича. Скорее всего, из него выкладывали верхние части стен.

— А для чего эти круглые углубления в скальной породе, то и дело встречающиеся на пути?

Восстанавливать церковь привели заключенных из находящейся здесь же колонии. Хорошая работа для советского зэка! Так на долю этой церкви выпала великая миссия — подняться не только над религиями, но и над атеизмом

— Точно ответить на этот вопрос я не могу. Есть разные версии.

— А среди них есть такая, что в них вставляли вот такие круглые камни и по ним катили наверх эти неподъемные глыбы?

— Красиво. Но не более. Такие углубления были обнаружены и в постройках того же периода в Шираке, и наиболее вероятная версия, что в них собирали священную воду, которую боги посылали с неба, ну, в смысле, дождевую. Но это только гипотеза. В ее подтверждение могу сказать только, что, когда идет дождь, эти каменные чашечки наполняются водой и долго не высыхают.

— А откуда притащили эти камни?

— Тут рядом есть песчаный карьер, где в советские времена работали зэки — здесь была колония. Из этого белого камня и построен Тигранакерт.





Церковь религии человечности

Эту историю о зэках, добывающих белый камень, я уже слышала. Буквально вчера, когда расспрашивала всех подряд о той самой церквушке VII века, что находится на вершине холма. Первое, что сказала мне бабушка из соседней деревни, что церковь та считается заступницей всех матерей:
— Об этом и легенда есть. Во времена оные пришла к этой святыне отчаявшаяся бездетная арабка и, взмолившись Богу, попросила его о сыне. Спустя год она, уже беременная, вновь пришла сюда поклониться. Тут и родила и была крещена вместе с сыном. Узнав об этом, арабы решили убить и ее, и мальчика. Вновь воззвала она к Богу и попросила заступиться за них. В одночасье гора покрылась множеством ядовитых змей, которые покусали и убили нападавших. А счастливая мать осталась здесь жить и вырастила своего сына в каменной люльке.
Конечно, мы туда поднялись — по противоположной стороне холма. Во дворе церкви, в каменной глыбе и правда есть углубление, похожее на люльку. Но меня этот маленький храм заинтересовал совсем не этим, а странной историей из совершенно другой эпохи — социалистической. Вся эта территория в советские времена принадлежала крупному азербайджанскому чиновнику. Место это до сих пор сохранило следы роскоши в советском понимании. Говорят, когда-то на эту дачу любил приезжать сам Гейдар Алиев. Так вот, обустраивая свой участок, хозяин обнаружил на нем развалины христианского храма и... решил отреставрировать его. Очень хочу думать, что совсем не из банального желания быть оригинальным мусульманином — обладателем христианской святыни, а из святой веры в человека. А восстанавливать церковь привели заключенных из находящейся здесь же колонии. Хорошая работа для советского зэка!
Так на долю этой церкви выпала великая миссия — подняться не только над религиями, но и над атеизмом.

На мели

Это было вчера. А сегодня мы прошли еще дальше в обратном отсчете времени и оказались среди декораций, на фоне которых разыгралось, бесспорно, самое эпичное действие в исторической драме жизни армянского народа. И вот я стою на необработанной каменной глыбе, от которой отходят стены цитадели великого города, похожего отсюда на огромный корабль, увы, давно уже сидящий на мели.
— Совершенно очевидно, что это типичный античный имперский город, — рассказывает Таня. — Он построен по единому плану. А это значит, что сюда было переселено большое число людей. По обеим сторонам твердыни были параллельно построены два ряда башен — две круглые и две квадратные. Так как холм очень крутой, цитадель спускается террасами.
— А точная дата постройки установлена?
— Это очень разноплановый ландшафтный археологический памятник, который содержит несколько слоев истории. Сама цитадель датируется 95—55 гг. до н.э. Базилика, которую мы раскопали там, внизу, — V века. А вон та крепость, у которой любят фотографироваться туристы — мол, мы были в Тигранакерте, — на самом деле форпост XVIII века. Внутри цитадели мы тоже раскрыли постройки разных эпох — слои среднего, раннего, позднего Средневековья. Словом, очевидно, что здесь непрерывно, многие века подряд жили люди...
Мы еще долго блуждали по холму, пытаясь представить и тех, кто возводил эти массивные стены, и тех, кто потом достраивал другие, — чем дальше, тем тоньше. Мельчает человек. Буквально на глазах мельчает.

Свидетельство о рождении эры

Уже в самом низу, в земле зияет огромный шурф.
— Это та самая базилика? А как вы решили, что она V века?
— Вначале мы думали, что она относится к VI веку. Но потом раскопали апсиду. Смотри, у нее есть углы. Такие граненые апсиды были характерны для базилик V века, а вот в VI уже появились полукруглые.
— Какая она огромная...
— Самая большая в регионе. У нее два входа — северный и главный, западный. Это была роскошная, богато украшенная церковь. Такие просто так не строились и, скорее всего, она играла очень важную роль. А если учесть, что кроме церкви на вершине холма и этой, базиликальной, мы нашли еще одну — пещерную, выдолбленную в скалистом утесе, можно допустить, что здесь был какой-то крупный раннехристианский пещерно-культовый комплекс. Мы предполагаем, что к X веку она уже была разрушена — в результате землетрясения или пожара. У нее такие же белые стены, как те, что построены практически рядом, на холме, с разницей в несколько веков. Но эта церковь — свидетельство о рождении новой эры.

P. S.

Я уже попрощалась с Таней и еду по асфальтированной дороге в свое панельное жилище. А перед глазами — город, по улицам которого шел царь, и не подозревавший о том, что станет единственным в истории страны «Его Величеством», которого нарекут Великим.
Город, достойный своего царя. ■





нариндж: цвет мира

В 2004 году в Армении была выпущена почтовая марка с изображением карабахского скакуна. Она пришлась как раз на время, когда появилась надежда восстановить некогда исчезнувшую породу. Карабахские скакуны — былая слава арцахских меликов и армянской конницы — сегодня национальная гордость НКР. Их не продают и не вывозят за границу, а выращивают для вольной жизни в спрятавшемся в горах селе Кирсаван.

Текст **Нунэ Мелкумян** | Фото **Арнос Мартиросян**



Это, наверное, закономерно: дорога к удивительному должна быть до удивительного сложной. На каждом отрезке пути к Кирским горам мы благодарили судьбу за «Ниву», — кажется, единственную машину, на которой можно преодолеть хотя бы половину этой трудной дороги. Горный массив по одну руку, глубокое ущелье по другую — вроде бы и привычный для глаз армянина пейзаж, а все равно не можешь насмотреться. Но непрозрачный от солнца воздух не дает толком разглядеть это зеленое море, волнующееся прямо перед нами. Час пути по серпантину, и вот он, Кирсаван — маленькая деревня, всего пара десятков семей. Дом, к которому мы направились, и вовсе на отшибе — отсюда ничего не видно, кроме этих зеленеющих гор и неба. За домом большой луг, на котором пасутся два коня и жеребенок. При виде нас лошади оживились, быстро обступили жеребенка и стали воинственно коситься на чужаков.

— Эти карабахские скакуны, они такие... Нрав у них дикий, а уж если надо жеребенка защитить, так вообще опасными становятся. Лучше и не подходить, — рассказывает Самвел, один из заводчиков карабахских скакунов в Кирсе.

— Как же вы их седлаете?



Карабах на Дону
Известно, что карабахский скакун во многом повлиял на формирование знаменитой донской лошади. Впервые казаки завезли «карабахцев» на Дон в XVIII веке после персидских и турецких походов. Веком позже из карабахских скакунов на Дону был создан конный завод полковника Матвея Платова. А известный донской заводчик Василий Иловайский использовал карабахских скакунов для улучшения донской породы вплоть до начала XX века.



Сам Александр Македонский для своей конницы взял табун из двадцати тысяч карабахских скакунов, чтобы легче было пройти горные перевалы. Кстати, скакунов ценили и в соседнем Иране



— О, для этого нужно много сил и терпения! Зато выносливей лошади в горах днем с огнем не сыскать. Об этом и деды наши знали, потому только на «карабахцах» и отправлялись в долгий путь.
Потом, видимо, решив, что мудрость дедов нуждается в поддержке безусловного авторитета, Самвел рассказал о том, что сам Александр Македонский для своей конницы взял табун из двадцати тысяч карабахских скакунов, чтобы легче было пройти горные перевалы. Кстати, скакунов ценили и в соседнем Иране. В опубликованной 130 лет назад в журнале «Коневодство» статье «Несколько слов о персидских конях» имеется интересная запись о том, что персидская лошадь так популярна потому, что в ней течет кровь карабахского скакуна. А эксперты побывавшей в 1852 году в Персии специальной комиссии из представителей кавалерийских войск Российской империи отмечали, что главное достоинство тамошней кавалерии — наличие в ней чистокровных карабахских скакунов, которые по многим своим характеристикам не уступают арабской породе.
— А по каким признакам можно узнать карабахского скакуна?
— Отличительных черт у него много и перечислять их долго. У меня есть список всех стандартов породы, описанных еще в начале XX века. Хотите, покажу? Но главное, что отличает «карабахцев» от других, — масть.
Цвет одной из мастей карабахских скакунов — желто-оранжевый, а масть так и называют — нариндж (арм. «апельсин»). Лошади невысокие, сильные, с выносливыми ногами, широкой грудью и бурой гривой. ▸





В седле всегда

В книге «Меликства Хамсы» писатель Раффи рассказывает, что арцахское воинство состояло из пехоты и конницы. Знаменитая арцахская конница считалась выдающейся силой еще с древних времен. Развитию конного войска способствовало то, что использовались в ней лошади карабахской (арцахской) породы. Карабахская лошадь была очень похожа на арабскую по своим физическим показателям и внешнему виду, пишет Раффи, но отличалась от нее золотисто-рыжим цветом. Именно на этих быстрых и выносливых скакунах арцахская конница принимала участие во многих решающих сражениях, зачастую далеко от родины.



Неистребимые

До начала прошлого века главными заводчиками скакунов были карабахские мелики. Потом из-за войн и революций карабахская порода была оставлена на произвол судьбы и практически исчезла. Только к концу 1940-х грандиозными усилиями породу восстановили. Тогда удалось найти только одного чистокровного карабахского скакуна — жеребца по имени Султан. Фактически все «карабахцы», которые живут в Кирсаване сегодня, — его потомки.



На несколько десятилетий разведение карабахских скакунов было поставлено на серьезные рельсы. Известно даже, что одного «карабахца» Никита Хрущев подарил королеве Великобритании Елизавете II, заядлой наезднице и большой ценительнице лошадей.

В девяностых грянула Карабахская война. Завод, где жили лошади, был оставлен без присмотра, и в один прекрасный день конюшни оказались пусты — скакуны убежали. Лет 10 они вообще считались навсегда утерянными, но тут улыбнулась удача. Нет, просто какое-то невероятное везение, реальный и, возможно, единственный шанс. Жители Кирсавана заметили в лесу табун диких потрясающе красивых лошадей. По всем признакам это были «карабахцы». Тогда Самвел с друзьями потратили немало дней на то, чтобы выловить лошадей. Их оседлали и стали разводить. Сегодня рожденных в неволе жеребят выращивают, в три года от роду седлают, а потом отпускают на волю.

— А зачем седлать, если потом лошадь будет жить сама по себе?

— Чтобы привыкли к людям, чтобы нрав был поспокойней, — объясняет Самвел. — Но сейчас в лесу бегает много лошадей, которые никогда не были на привязи. Они как родились на воле, так и живут.

Война и мир

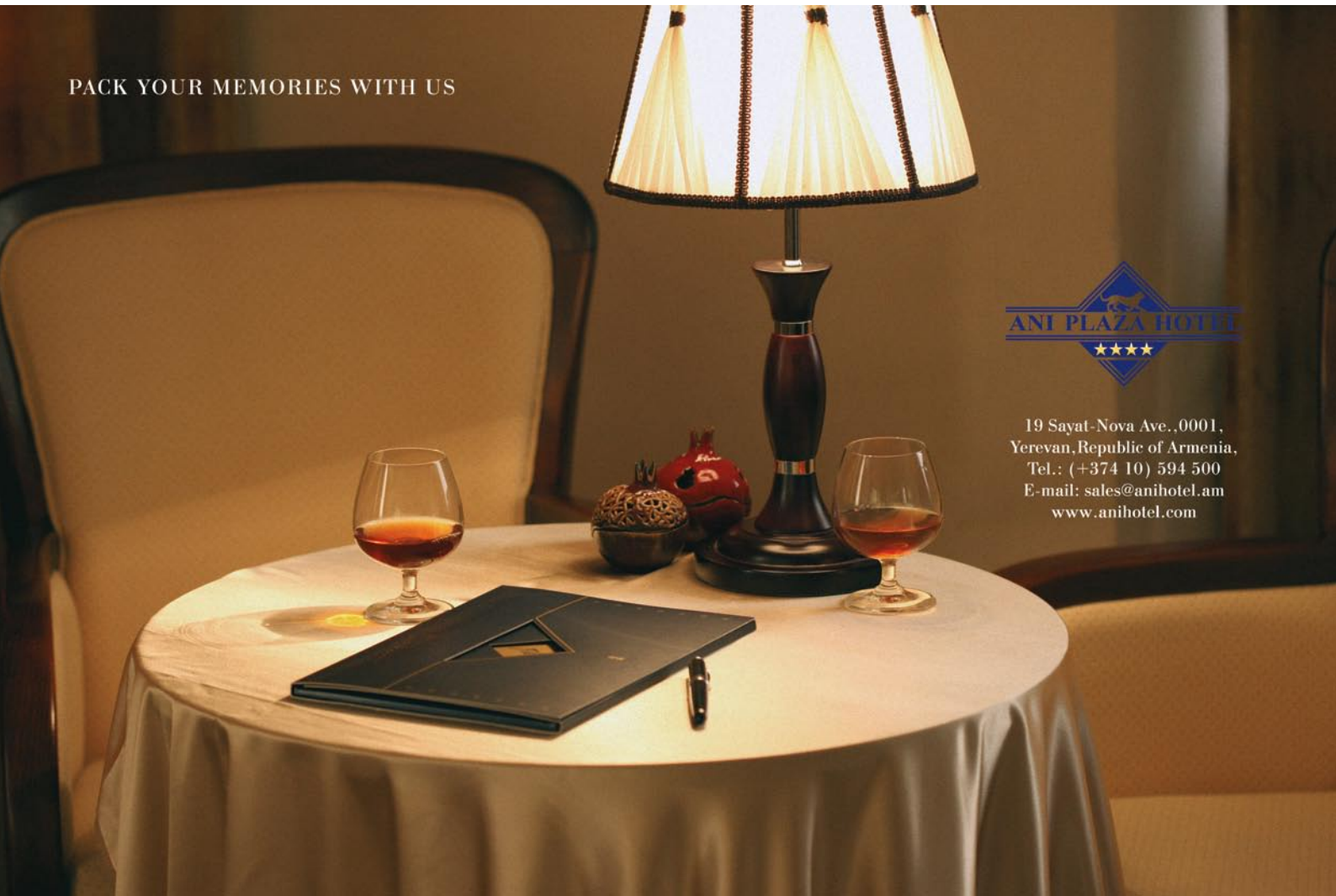
Говорят, эти лошади не боятся людей. Они вообще считают себя полноправными хозяевами края. Приходят, когда хочется. Уходят, когда посчитают нужным. Для того, чтобы хоть одним глазком посмотреть на карабахских скакунов, которые живут на воле, мы снова садимся во внедорожник, едем куда-то в гору и останавливаемся на небольшой лужайке. Узенькая тропка через зеленые, пропитанные солнцем луга уводит куда-то вдаль. И вдруг на сине-зеленой нечеткой линии горизонта появляются силуэты великолепных карабахских скакунов. Думаешь, что, если бы для рая выпускались туристические брошюры или открытки, они бы выглядели именно так.

— Не тронут? — мне вдруг стало не по себе от надвигающейся оранжевой «бури».

— Не заметят даже.

И правда. Это был не табун, а небольшая группа лошадей — все самцы, 6 скакунов. Один из них — с высокой холкой и темно-каштановой гривой — отличался от остальных хромотой. Рассказывают, когда-то он был вожаком самого большого табуна в Кирсе. Но потом сломал ногу в схватке с более молодым самцом, был изгнан и живет теперь сам по себе. Наверняка ногу скакуну мог вылечить ветеринар, но у свободы свои правила. Вообще, здесь люди не вмешиваются в естественный ход вещей в природе. Разве что в одном — истребляют волков, очень уж их много стало в последнее время, они нападают на отбившихся от табуна жеребят, и в Карабахе очень боятся потерять так трудно обретенное и восстановленное достояние края. Хотя история учит другому: «карабахцам» по плечу практически любые невзгоды естественного происхождения. На грани исчезновения порода оказывалась только в неспокойные времена революций, войн и конфликтов. Карабахский скакун — дитя свободы и спокойствия. Прекрасное оранжевое знамя мира. ■

Здесь люди не вмешиваются в естественный ход вещей в природе. Разве что в одном — истребляют волков, очень уж их много стало в последнее время, они нападают на отбившихся от табуна жеребят





высота внутри

В деревне Мец Тагер все начинается с памяти. Памяти живой — из плоти и крови. Ее скелет — дома, построенные век, а то и два назад, вены — улицы, когда-то аккуратно вымощенные, а сейчас испещренные следами произошедших на них историй, кровь — люди, живущие здесь и сейчас. Есть ли начало у памяти? Возможно, когда-то оно и было, но теперь — навсегда утеряно в бездонных глазах стариков, играющих в карты на главной площади. Морщины вокруг их глаз — как годовые кольца деревьев — дань возрасту, свидетельство мудрости. Одетые в твидовые пиджаки, с тростями и старомодными кепками на головах — под стать старожилам далекой Сицилии — они отсчитывают медленное деревенское время в партиях, разложенных на деревянном столе. Я сижу рядом, а заговорить не удается — в гордой степенности своей старики кажутся совершенно нереальными. Ощущение, что скажешь слово — и красивая картинка рассеется, как мираж. Но именно из этой, почти иллюзорной сцены неспешной полуденной игры в карты у меня сложилось первое и самое правильное впечатление от Мец Тагер. Вокруг стола быстрыми шагами уже совсем другое время отмеряет глава общины Владик Даниелян. Ему не терпится показать нам то новое, что появилось за последние годы в деревне, и то старое, что всегда было ее гордостью. Наконец из маленьких рук голубоглазого старика падает на стол козырной туз. Партия окончена. Мы уходим с площади, не замутив спокойствия даже не заметивших нас стариков, но сопровождаемые любопытными взглядами собравшейся молодежи. По узеньким деревенским переулкам — то гора, то спуск — идем знакомиться с памятью.

Текст **Нунэ Мелкумян** | Фото **Арнос Мартиросян**





In чай veritas

Можно ли точно вспомнить момент рождения идеи? Может, она пришла, когда тагерец Гагик Восканян забивал гвоздь в стену, чтобы повесить в новехонькой чайной старую фотографию, принесенную из дома? А впрочем, лежащая на поверхности мысль так проста и гармонична, что кажется, она была всегда. Ясно одно: почти 10 лет назад в Мец Тагер в старинном доме открыли чайную. На пол постелили ковры, на стены повесили фотографии вековой давности. Это был старт, первый отрезок дороги «Мец Тагер — Мир». Прошло несколько лет, и деревня зажила по-новому.





←↓ Старинный интерьер чайной



— Мы подумали, что туристам, которые хотят узнать лучше Карабах, хорошо бы показать именно деревню. Причем деревню с традиционным арцахским бытом. Это этнический туризм. Здесь можно даже пожить какое-то время. Конечно, кое-что пришлось восстанавливать, а что-то — отстраивать заново. Со временем у нас появился фонд пожертвований наших земляков, живущих сейчас в самых разных уголках мира, — рассказывает исполнительный директор фонда Гагик Восканян.

Вот только гостиниц в Мец Тагер не строят. Жители деревни на ура восприняли идею привлечения туристов. Комнаты сдают сами тагерцы. Новый источник заработка оказался прекрасным способом проявить истинное карабахское гостеприимство. Кстати о нем. Нас угощают чаем — по-карабахски щедро на стол ставят огромный чайник и вазочку с конфетами и кусковым сахаром. Гагик и Владик рассказывают истории фотографий на стенах. Говорят, когда возникла идея их повесить, тагерцы с удовольствием разворошили старые сундуки. Фотографий действительно немало.

— Вон на той мой прадед, — говорит Гагик, — он прожил 121 год, представляете? Мой отец младше него на целых 100 лет. Век! А работали они вместе, не покладая рук. Вот такой был сильный человек.

Вглядываюсь в фотографию темноволосого серьезного человека — определить, сколько ему лет на момент снимка, практически невозможно. Это присуще долгожителям — приходит время, когда, кажется, счет ведется далеко не в цифрах.

Жители деревни на ура восприняли идею привлечения туристов. Гостиниц в Мец Тагер не строят. Комнаты сдают сами тагерцы. Новый источник заработка оказался прекрасным способом проявить истинное карабахское гостеприимство





←↑ В традиционной кузнице мастер работает по старинке

После чаепития идем смотреть кузницу. Это еще один старый тагерский дом, рядом с дверью — табличка с десятком имен кузнецов, работавших здесь раньше. В память.

— В деревне вообще очень развиты были ремесла, — рассказывает Владик, — керамика, резьба по дереву, лужение, ковроделие. Но самой большой славой пользовались кузнецы. Именно поэтому первым делом мы восстановили кузницу.

Работает тагерский кузнец так же, как его друзья по цеху лет 100 назад, — никакой автоматизации. Традиции важней скорости, особенно когда дело касается привлечения туристов.

— Надевай фартук, — говорит краснощекий кузнец, — сделаем для тебя подкову на удачу.

Так мне удалось поучаствовать в создании подковы. Доверили самое легкое — качать меха, чтобы выдувать воздух для печи. Длился весь процесс минуты три — да и то из-за моей нерасторопности. На подкове выбили знак изготовителя — буквы «М» и «Т», что означает Мец Тагер. Моя именная удача с координатами, чтобы всегда помнить — сюда за везением можно прийти еще. ▸

Старый новый быт

Первым моим везением стало то, что нас вызвались покормить. Новехонькая, недавно отстроенная традиционная кухня здесь... слово «неподалеку», наверное, неуместно. Тут все настолько близко, что расстояние измеряют не в метрах. От кузницы до кухни — четыре мамы с детьми, три дома, тринадцать ступенек, короткий диалог.

— Давно вы глава общины?

— Да уже тринадцать лет. Я вообще-то математик, учился в Ереване. Потом по семейным обстоятельствам переехал сюда, преподавал в школе, воевал. Ну а в конце девяностых меня и выбрали, — рассказывает Владик.

— Нравится?

— А это не имеет значения. То, что мне нравится, я выбрал сам много лет назад — это математика. А потом то, чем я должен заниматься, уже само выбрало меня. Так что работа в Мец Тагер — настоящая карма.

Никогда не знаешь, куда приведут мечты. Но куда может завести судьба, предугадать, пожалуй, еще сложнее.

А вот и кухня. Бревенчатая, она скорее напоминает балкон, выходящий к пропасти. Ее построили совсем недавно.



Новехонькая, недавно отстроенная традиционная кухня здесь... слово «неподалеку», наверное, неуместно. Тут все настолько близко, что расстояние измеряют не в метрах. От кузницы до кухни — 4 мамы с детьми, 3 дома, 13 ступенек, короткий диалог

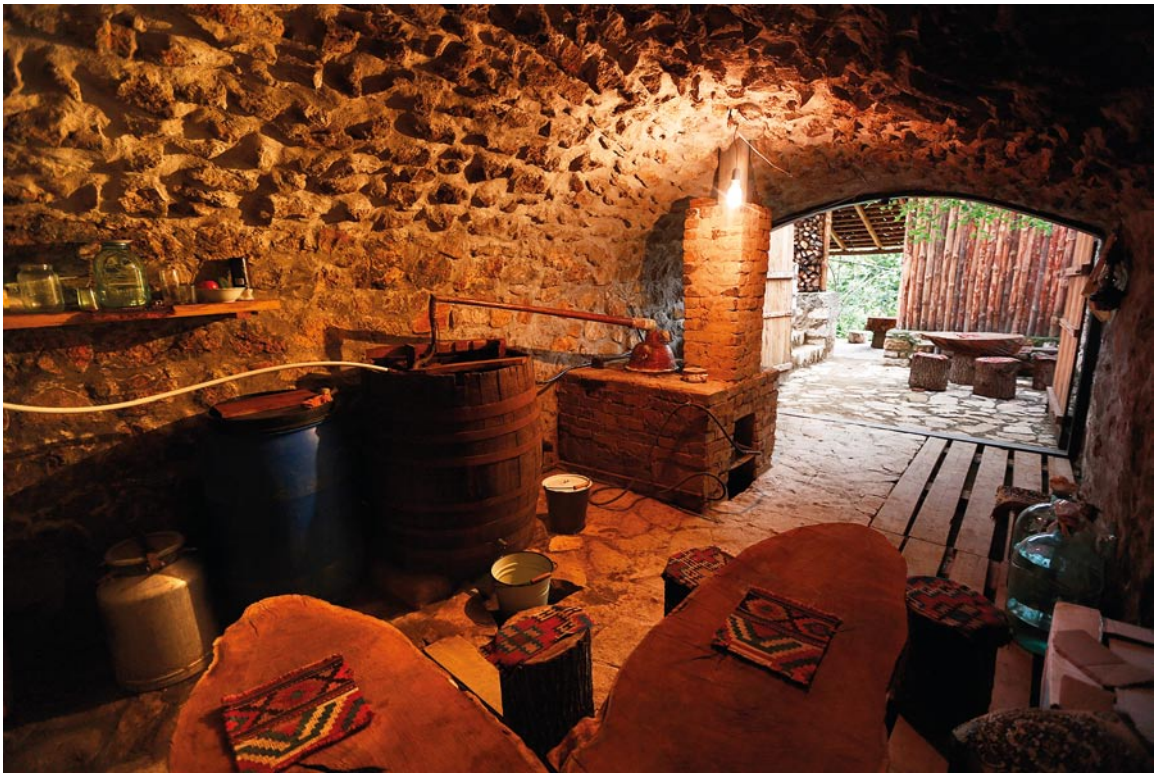
Здесь всем желающим показывают, как готовятся карабахские блюда. Здесь же печь, на которой уже закипает хашил. Но аромат еды практически невозможно ощутить из-за какого-то сильного запаха.

— Это флюш, — хором говорят Владик и Гагик.

Заметив недоумение, тагерцы решают, что уж лучше один раз показать, чем сто раз переводить. Оказалось, что флюшем в Арцахе называют сырье для тутовой водки — бродящую шелковицу. Тутовку же готовят, не отходя от кухни, в доме конца XVII века, который в свое время практически полностью ушел под землю. Потом его обнаружили и реставрировали. Даже приглашали дизайнеров и историков, чтобы восстановить все в традициях того времени. После этого



← Тонратун пока еще находится на стадии строительства



В доме XIX века готовят тутовку

До позднего вечера на новой площади старики играют в карты

поставили «завод» — так здесь называют аппарат для изготовления самогона. А через какое-то время водка стала такой популярной среди приезжих, что в Мец Тагер решили поставить на поток выпуск бутилированной продукции. Мы застали аккурат первую партию домашней тагерской водки в бутылках и с этикетками, но налили нам прямо из самогонного аппарата. Есть что-то магическое в первой капельке водки, приготовленной только что. А может, это алкогольные пары, которыми воздух пропитан так сильно, настраивают на мистический лад. Да и вряд ли, подышав какое-то время воздухом этого дома, от водки можно было окосеть сильнее. Так мне показалось, и я опустошила приятно пахнущую рюмку. Небольшое головокружение натолкнуло на вывод о необходимости инструкции на этикетках бутылок с карабахским самогоном: пить осторожно!

— Так она ж для того и выдумана, чтобы хмелеть и радоваться! — смеется Владик.

Параллельно нас угощают супом из растущей только в Карабахе травы качап, хашилем, соленьями. А через несколько минут на столе уже хрустящий карабахский хлеб. Тонратун — комната, где пекут хлеб, — тоже обязательный объект в списке традиционных. Его строят рядом с кухней.

После обеда отправились на прогулку, которая завела туда, откуда для меня все началось. На новой площади Мец Тагер, которую в уме я уже окрестила «сицилийской», все те же старики играли в карты. Прозрачный утренний свет сменился сумерками, но козырные трефы все также бьют бубнового туза старого соседа, так что для этих жителей деревни мало что изменилось. Глава деревенской общины Владик Даниелян прошел между столов к месту, откуда открывается вид на каждый дом Мец Тагер, на каждую улицу, за которую вот уже 13 лет Владик отвечает то ли по выбору людей, то ли по воле провидения. Мец Тагер коснулись глобальные перемены, и сельчане возлагают на них большие надежды.



Над пропастью в Мец Тагер

Когда мы ехали сюда, больше всего дорога напоминала мне взлетную полосу: стойкое ощущение — за следующим поворотом заканчивается мир и начинается небо. Высота — первая ассоциация с Мец Тагер. Потом, уже попав в деревню, осознаешь, что высота — не географический показатель, а стержень, навсегда засевший в этих людях. Здесь прошли нищету и войну, встали на ноги и наметили себе цель, к которой твердо идут. И чем выше эта цель, тем прямее спина и шире шаг, ведь в этих краях точно знают: высота внутри. ■



на вкус

У каждой страны, города или деревни есть свой вкус. Вкус, без которого невозможно составить полное впечатление о месте. И Карабах не исключение. Обжаренное на раскаленной плите пшено, приготовленный в тонире тонкий хрустящий хлеб с тающим на нем соленым сыром, ароматная начинка женгялов хаца и крепкая тутовка — все это Арцах, который каждого гостя так и манит попробовать себя на вкус.

Текст **Нунэ Мелкумян** | Фото **Арнос Мартиросян**

Первая и, пожалуй, самая важная отличительная черта кухни Карабаха — здесь не пекут лаваш. Тониры есть в каждой деревне, но выпекается в них арцахский хлеб — тонрахац. Круглый, тонкий и хрустящий, он отдаленно напоминает грузинский пури. И если лаваш хранится несколько месяцев, то хлеб нужно печь каждые три-четыре дня, так что в карабахских деревнях всегда вкусно пахнет свежим тонрахацем. Горячим карабахским хлебом и соленым сыром угощают всех без исключения гостей в любом местном ресторане. Главное — не увлечься и дождаться основных блюд. С хлебом и сыром приносят специфические карабахские соленья и свежую зелень.





Хингал

На словосочетание-запрос «вкусно поесть» жители Степанакерта, как гугл, большинством голосов выдают: «Урени». Приветливый повар ресторана после долгих отнекиваний в стиле «ну, у нас вообще-то все блюда самые вкусные» таки согласился посоветовать что-то традиционное. Секрета приготовления фирменной мясной закуски ресторана он нам, конечно, не раскрыл. Особо приправленные холодные куски говядины просто таяли во рту — прекрасное дополнение к знаменитому карабахскому гранатовому вину. А вот хингал наверняка может приготовить каждый, и, как большинство местных блюд, он настолько сытный, что одолеть целую порцию под силу не каждому. В глубокую тарелку выкладываются нарезанные длинными прямоугольниками куски теста, сваренного в кипящей подсоленной воде. Сверху все это заливается мацуном. Затем на середине тарелки освобождается небольшое пространство для горки молотого мяса. Его предварительно обжаривают с луком и приправами по усмотрению повара. ▸

Женгялов хац

Перекусить на ходу или увезти что-нибудь домой можно со степанакертского рынка. Сначала продвинуться дальше первого ряда вряд ли удастся — ну просто невозможно отойти от женщин, на месте выпекающих, пожалуй, самое известное национальное блюдо Карабаха — женгялов хац, или просто женгял. Карабахцы рассказывают, что приготовление женгялов хаца — целый обряд, когда собирается несколько поколений семьи и взрослые женщины передают свои секреты молодым девушкам. Тесто для лепешки раскатывается очень тонким слоем, внутрь кладутся свежие мелко нарезанные травы. В травах весь секрет женгяла — в «правильный» сезон их число доходит почти до 20! Многие травы выращивают теперь во дворах, а вот изюминка женгяла — травы со смешными названиями кцмцук и хндзмндзук — растут только на воле. Выпекается женгял на раскаленной выпуклой жаровне — садже — всего за несколько минут. Кувшин холодного тана — и самый вкусный карабахский обед готов.

Когда появится иммунитет к волшебному запаху женгяла, готовьтесь к следующей гастрономической атаке степанакертского рынка — красота выстроенных в несколько рядов аккуратных разноцветных баночек с соленьями впечатляет настолько, что приветливые продавщицы кажутся художниками, создающими шедевры из красок и стекла. ▸

















Чай

Тут же на рынке можно купить сушеный тимьян, или чабрец. По-армянски — урц. Есть приверженцы чистого чая из урца, а для других — это обязательное, полезное и вкусное дополнение к чаю черному. Пропорции варьируются в зависимости от предпочтений. Чай в Карабахе пьют часто и помногу. В некоторых ресторанах и кафе, заказав чай, вы получите целый чайник — чтобы точно хватило. Еще одна милая и гостеприимная традиция — всегда ставить на стол небольшую вазочку с кусковым сахаром и конфетами. Кстати, считается, что размешивать сахар в чае неверно, потому что так можно испортить его аромат. Именно поэтому сахар — кусковой и пить нужно вприкуску.



Качап

Настоящий обед карабахца — вкусный горячий хлеб прямо из тонира, сыр, суп качап и какое-нибудь сытное блюдо. Все это для нас приготовили в деревне Мец Тагер. На удивление легкими кажутся все рецепты, но наверняка главное в этом деле — набить руку. Про женщину, которая готовила для нас, вся деревня в один голос говорила: «Хорошая рука». Сначала нас накормили качапом. При виде всех его ингредиентов может показаться, что съесть это невозможно. На самом же деле это одно из самых вкусных блюд карабахской кухни. Качап — название травы, которая весной растет на склонах гор. В свежем виде трава эта очень горькая, поэтому ее мелко шинкуют и сушат. В кипящей воде варят качап, добавляют немного риса, соль и специи по вкусу. Отдельно варят кислый сливовый лаваш или недозрелые сливы. Потом все ингредиенты соединяют и доваривают. Считается, что качап обладает целебными свойствами: если больные простудой будут есть его несколько раз в день, живо встанут на ноги. А еще качап разжигает аппетит. Есть даже история о том, как одного голодного человека кормили этим супом. Он ел одну тарелку за другой, а голод становился все сильнее. В конце концов человек рассердился и пообещал выжечь все места, где растет качап. Нам же суп настолько понравился, что очень захотелось купить сушеной зелени, чтобы готовить блюдо дома. Однако во всей деревне мы не нашли ни одного человека, согласившегося продать нам хоть немного. Правда, нам все же подарили символическую порцию — на один раз. Наверное, целебные свойства зелени действительно настолько сильны, что ни за какие деньги карабахцы не продадут столь популярное народное лекарство.





Хашил

Все блюда, которыми нас угощали в Мец Тагер, готовили на печи. И почему-то пришла уверенность, что от такого традиционного способа готовки и еда будет правильней и вкусней. После качапа нам предложили попробовать хашил — сытное блюдо, которое в разных вариациях готовят не только в Карабахе, но и в большинстве районов Армении. Зерна пшеницы нужно обжарить и перемолоть, полученную массу залить водой и сварить. Готовую кашу красивой горкой выкладывают в глубокую тарелку, сверху ложкой делают маленькую лунку, которую заполняют крупно нарезанным и обжаренным в масле луком. Готовое блюдо поливают холодным таном.







Тутовая водка



Тутовка — начало начал и завершающий аккорд всех застолий. Не выпить ее — оскорбить хозяина смертельно. Вообще непосвященному может показаться, что никакого вызова эта прекрасно пахнущая рюмка с прозрачной жидкостью в себе не содержит. Обманчиво. Крепость тутовой водки может доходить до 80˚. Кстати, стол для гостей, для нас то есть, накрыли в однокомнатном бревенчатом доме, где добродушный дед готовил тутовку. Он и поделился с нами нехитрой технологией производства напитка. Шелковицу собирают в бочку и оставляют бродить. Потом перегоняют два раза, и вот — тутовка готова. Нам дали попробовать водки прямо из самогонного аппарата. Аромат и вкус — бесподобные. А еще тутовка — первое лекарство карабахцев. Лечат ею все болезни: от банальной простуды до язвы желудка. И наверняка главное целебное свойство водки из шелковицы — объединять всех участников застолья. Создавать атмосферу задушевности — не побочный эффект, а первая функция тутовки. Стойкий аромат отгоняет тревогу, помогая ощутить радость простого человеческого общения. И вообще, за внешней простотой арцахской кухни — не только богатый вкус, но и сердечное гостеприимство. А главный секрет, скажем, того же знаменитого женгялов хаца не кцмцук, не хндзмндзук, а легкость и радушие, с которым здесь готовят и угощают. ■

арцахская крепость

Датой рождения «Арцах бренди компани» считается 1998 год. Тогда завод по производству алкогольных напитков в селе Айгестан Аскеранского района Нагорного Карабаха стали восстанавливать из руин. А вообще, производство здесь было основано еще в 1922-м. Правда, в то время в ассортименте не было водки, в том числе и самого пикантного бренда этого края — тутовки. Чтобы проследить за тем, как хмелеет ароматный фрукт, мы и отправились в Айгестан.

Текст **Анна Лоренц** | Фото **Арнос Мартиросян**







В воротах нас встретил коммерческий директор завода Эдик Владимирович Погосян. Он и вызвался объяснить, показать, напоить — впрочем, последнее не помню чтобы планировалось, но, должно быть, подразумевалось. А его рассказ, как практически все рассказы в Карабахе, начался со слов «до войны». Так вот, до войны здесь производили вино, коньяк и коньячный спирт. Инициатором послевоенной реанимации производства, как и включения в ассортимент традиционных видов карабахских фруктовых водок, стал новый его владелец — Георгий Мисакович Оганян.

Начало новейшей истории завода было положено деятельностью двух фирм. SGS занималась коньяком и плодово-ягодными, фруктовыми водками, а GVS — пшеничными. В 2002 году они слились под единым названием «Арцах-алко».

— А ведь хорошее было название — коротко и по существу. Зачем было менять его? — спрашиваю.

— Так и нам нравилось. Только вот в 2007-м вышел закон, согласно которому использовать слово «алко» в названиях фирм было нельзя. С тех пор мы и называемся «Арцах бренди компани». Тоже, думаю, неплохо звучит.



***

Экскурсию по заводу мы начали, как и полагается, с пункта приема фруктов. Сюда завозят туту, кизил, абрикос, виноград, сливу, дикую грушу, персики, яблоки. Абрикос и часть кизила в случае неурожая завозят из Армении.

— Мы делаем все, чтобы колебания цен на фрукты не сильно отражались на ценах нашей продукции и держим их по возможности стабильными, чтобы клиент знал, что мы знаем его место.

Пока я перекатывала на языке непривычную фразу, пытаясь осознать причины, по которым эмоционально-смысловое наполнение выражения «его место» в армянском совершенно противоположно его значению в русском, мой спутник продолжал:

— Семь видов фруктовых водок уже производится, а яблочная — еще в процессе разработки. Вообще, мы стремимся хотя бы раз в два года вынести на рынок новый напиток.

Но самый главный принцип работы компании, конечно, не количество, а качество. И — никаких ароматизаторов. Иностранцы, увидев производство, просто в восторг приходят: экологи-



чески чистый натуральный продукт. Впрочем, в вопросе оценки фруктовых водок лучшие эксперты — сами карабахцы. А они эту самую заводскую водку пьют и даже хвалят. Правда, поначалу с непривычки работников предприятия донимали вопросом: настоящая ли это тутовка? Смеясь, они рассказывают, что самым убедительным ответом тогда было: «Мамой клянусь, она самая!» Теперь этот вопрос давно перестал быть актуальным. Вон и на этикетках честно написано: «Натуральный продукт».

Иностранцы, увидев производство, просто в восторг приходят: экологически чистый продукт. Впрочем, в вопросе оценки фруктовых водок лучшие эксперты — сами карабахцы. А они эту водку пьют и даже хвалят

***

Эдик Владимирович рассказывает о первичном виноделии, а я пытаюсь представить, каким был бы Карабах, если бы караваны, чинно шествующие по Великому шелковому пути более двух тысячелетий назад, не завезли сюда из Китая саженцы тутового шелкопряда. Причем мысли эти были вполне еще трезвыми и без капли сарказма. Не стану утверждать, но мне реально думается, что если не благодаря тутовке, то по крайней мере при ее непременном участии сложился сегодняшний образ жизни карабахцев. Может, именно в попытке выразить всю важность напитка в своей жизни они и говорят о его невероятных целебных свойствах? Помню, сторож монастыря Амарас показывал мне давно истертый от времени и, видимо, частой демонстрации диагноз-приговор. Он уверял, что, согласно этой бумаге, он уже давно мертв. И так и было бы, если бы не лучшее на свете лекарство, которое он принимает с невероятным рвением. «Колтамицин пью, — провозгласил он и, выдержав паузу, объяснил: — Наливаю тутовку в рюмочку и глотаю». Глотать — по-карабахски «кол тал». И он не исключение. Здесь практически

все уверены, что тутовка лечит от многих болезней. В частности, как это ни странно звучит, от язвы желудка.
А вот и знаменитый аппарат Зурабян, названный по имени человека, который разработал технологию, позволяющую получать традиционную тутовку в условиях завода.
— Вообще, наша тутовка от домашней отличается тем, что после купажа она проходит фильтрацию. Именно поэтому ее перед употреблением можно охладить до минус 3—4 градусов. А вот традиционная при такой температуре становится мутной, теряет и товарный вид, и вкусовые качества. У нас это называется «водку отрезало».
Сейчас на заводе производят 4 вида тутовой. «Традиционная» получается в процессе перегонки и не выдерживается. Водка, которая выдерживается в тутовых бочках один год, называется «Арцах тутовый серебряный», три года — «Арцах тутовый золотой». А «Платиновый» — купаж тутовых спиртов, выдержанных в дубовых бочках не менее пяти лет.





***

В маране (погребе), уткнувшись друг в друга брюхами, стоят бочки спирта — хороший «кабинет» у винодела Мариэтты Саакян. Вдохнув глоток ароматного хмельного воздуха, механически приглядываюсь к выражению ее лица:
— Вы от этого запаха не пьянеете?
— Чтобы карабахец опьянел от одного запаха?! Да еще такого приятного!!!
Аромат и правда потрясающий. Винодел Беник Сарян наливает мне стопочку тутовой.
— Будьте здоровы... А это — сливовая. Эх, за мирное небо!.. А это абрикосовая. Ты только глотни. Это же не водка уже! Это что-то новое, название чему не придумали пока.
И действительно, пахнет абрикосовая фантастически. Тут и насыщенность спелого фрукта, и нежность его цветов... Наверное, оттого, что настаивается этот спирт в абрикосовых же бочках.
— Главное что? Главное — технология, — говорит Беник. — А точную выдержку для абрикоса нашли именно на нашем заводе.
— А лично вы какую водку пьете?
— Мы все пьем. Только, конечно, нашего производства.

***

Картинка, которая предстала передо мной в цехе розлива, не для тех, кто к выпивке относится с особым трепетом. На дне каждой бутылочки (уже дважды предварительно промытой водой) — по рюмочке производимой здесь же пшеничной, которой бутылку ополаскивают и... выливают.



Работают здесь одни женщины, — видимо, они хладнокровнее. А все процедуры делаются вручную.
— Недостатка хорошего оборудования на заводе я не заметила. Почему же не заменить труд этих женщин станком? — спрашиваю.
— Вы правильно заметили. Выбирая технику, мы исходим не из цены, а из качества. У нас есть итальянское оборудование, болгарское. А что касается розлива... Понимаете, стратегия тут другая. Мы несколько раз перед Георгием Мисаковичем поднимали вопрос о финансовой выгодности перехода к станкам. Но он отказывается даже обсуждать это. Цель компании — не только получать прибыль, но и обеспечивать людей работой. В двух цехах розлива у нас работает 50 вдов, мужья которых погибли на войне. Словом, на эту тему Георгий Мисакович наложил табу.
— А сколько вообще работников на предприятии?
— Постоянных — человек 130. А в сезон, включая тех, кто трудится на виноградниках и приемном пункте в Мачкалашене, число это доходит до 156.

***

В кабинете начальника цеха розлива Айастан Хачатрян нас угощали винами и коньяками.
— Вот это белое вино «Ркацители», красные — «Ахтанак» и «Хндоглы». Мы производим как выдержанные вина, так и вина без выдержки. А вот этот коньяк... Тот, кто хоть раз его попробовал, становится постоянным клиентом.

Аромат у абрикосовой водки и правда фантастический. Тут и насыщенность спелого фрукта, и нежность его цветов... Наверное, оттого, что настаивается этот спирт в абрикосовых же бочках

— Охотно верю, но пить я больше не могу.
— А ты не пей, ты дегустируй.
— А разница? Желудок-то один. И голова тоже.
— А ноги — две. До дому дойдешь. Поможем.
На столе стали появляться напитки в необычных тарах и коробочках — сувенирная продукция предприятия. Массивные бутылки тутовки (внутри упаковок которых невесть как оказались деревянные хачкары), комплекты из двух бутылок — красного и белого вина, тутовка в бочках... И опять, и снова: «А вот этого ты еще не пробовала, ну пригуби — вкусно же...» Последнее, что помню, — укоризненные взгляды бабушки и дедушки со стеклянно-бутылочной версии ставшего символом свободного Карабаха памятника долгожителям «Мы — наши горы». И свой мысленный ответ этим чемберленам: «На себя посмотрите, сами по макушку налиты тутовкой!..» ■

СТЕПАНАКЕРТ



«Парк Отель Арцах»
Отель-бутик, действующий в отреставрированном здании середины XIX века, находится в центре города, рядом со сквером Ашота Гуляна и строящимся кафедральным собором. Это единственная в Карабахе гостиница, расположенная в здании, признанном памятником истории и культуры. Все номера отеля — 1 президентский апартамент, один двухкомнатный апартамент, два номера люкс, 5 одноместных и 19 двухместных номеров — объединены общим стилем дизайна. В декоре интерьера использованы скульптурные композиции и картины местных художников. К услугам постояльцев ресторан, лобби-бар, летнее кафе, сувенирный бутик, бизнес-центр, библиотека, самый большой в республике конференц-зал, пункт обмена валюты, банкомат, международная связь.
Адрес: НКР, г. Степанакерт, ул. В. Саркисяна, 10
Тел.: +374 47 97 19 71
URL: www.parkhotelartsakh.com

«Валлекс Гардн Хотел»
Гостиница находится в центре Степанакерта рядом с Аллеей влюбленных. Постояльцам предлагается выбор из 58 элегантно обставленных номеров различных категорий (стандарт, суперио, делюкс, сьют, президентский сьют), интерьер которых выполнен в современном стиле, в мягких, сдержанных тонах. «Валлекс Гардн Хотел» предоставляет широкий спектр услуг для комфортного пребывания, работы и отдыха: ресторан, банкетный зал, 2 конференц-зала, лаундж-бар, фитнес-клуб, бассейн (самый большой в Степанакерте), спа-салон, а также бесплатную парковку и Wi-Fi-интернет.
Адрес: НКР, г. Степанакерт, ул. Нельсона Степаняна, 35
Тел.: +374 47 97 33 97, +374 47 97 33 93, +374 97 33 97
E-mail: info@vallexgarden.com, URL: www.vallexgarden.com



«Аветис»
Гостиница расположена недалеко от центра города, в спокойном и уютном месте. Из номеров открывается прекрасный вид на Степанакерт и окружающие его горы. Во всех номерах (4 двухместных, 3 трехместных, 1 семейный, 1 люкс) созданы все необходимые условия для комфортного проживания. В гостинице постояльцам помогут организовать экскурсии, заказать такси, а также приобрести билеты в музеи и на концерты.
Адрес: НКР, г. Степанакерт, ул. Гюрджяна, 71
Тел.: +374 47 97 17 18, +374 47 94 17 18, +374 97 21 25 25
E-mail: hotelavetis@yahoo.com





«Армения»
Гостиница, построенная в 2007 году, расположена в самом центре Степанакерта, на площади Возрождения. Удобное местоположение, комфорт и безупречный сервис делают отель одним из самых популярных в Арцахе. 55 номеров отеля включают 1 апартамент, 7 номеров люкс, 47 двухместных. К услугам гостей также бизнес-центр, сауна, фитнес-центр и ресторан.
Адрес: НКР, г. Степанакерт, ул. 20 Февраля, 4
Тел.: +374 47 94 94 00, +374 47 94 88 02
URL: www.hotelarmenia.ru



«Эгнар»
Гостиница находится в пяти минутах езды от центра, в парковой зоне Степанакерта. 25 комфортных номеров (4 трехместных, 14 двухместных, 7 одноместных) размещаются в трех уютных зданиях. На территории отеля расположены два небольших открытых бассейна. Неподалеку находятся современный спортивно-оздоровительный комплекс и открытый стадион. В двух номерах имеется полностью оборудованная кухня. До центра города можно добраться всего за пару минут на транспорте.
Адрес: НКР, г. Степанакерт, ул. Абовяна, 39
Тел.: +374 47 94 86 77
URL: www.heghnarhotel.com

МАРТАКЕРТСКИЙ РАЙОН



«Цовин кар»
Гостиница расположена у села Ванк, в 4 км от монастыря Гандзасар на берегу реки Хачен. В непосредственной близости находится высеченная в скале огромная скульптура льва. В гостинице 7 одноместных, 10 двухместных и 1 трехместный номер. Постояльцы могут посетить одноименную таверну в этническом стиле, а также ресторан под открытым небом на берегу реки Хачен, где можно попробовать национальные арцахские блюда. На территории гостиничного комплекса имеются пруды, где выращивают форель и осетров. При желании здесь можно заказать блюда, приготовленные из собственного улова.
Адрес: НКР, Мартакертский р-н, с. Ванк
Тел.: +374 97 23 50 72

«Эклектика»
Гостиница находится в селе Ванк, в 3 км пути от монастыря Гандзасар. Здание отеля построено в виде корабля и в народе зовется «Титаником». На территории гостиницы имеется искусственный каскад водопадов и действует единственный в Карабахе зоопарк. В гостинице 3 одноместных номера, 2 трехместных номера, 12 двухместных номеров, в том числе 2 номера люкс. На втором этаже находится каминный зал. Ресторан «Ван Гог» предлагает блюда армянской, арцахской, европейской и китайской кухни. К услугам постояльцев также кафе, интернет-клуб, сувенирный магазин, манеж для лошадей, парковка, летний кинотеатр, бар «Гандзасар» и пр.
Адрес: НКР, Мартакертский р-н, с. Ванк
Тел.: +374 97 23 50 72



ШУШИ

«Аван Шуши Плаза»
Гостиница находится в центре культурной столицы НКР Шуши, в отреставрированном в 2011 г. здании. К услугам клиентов ресторан, лобби-бар, конференц-зал, сауна, бассейн, бизнес-центр, бесплатный Интернет и спутниковое телевидение. В гостинице 6 одноместных, 18 двухместных и 7 одноместных люкс номеров.
Адрес: НКР, г. Шуши, ул. Казанчецоц, 29
Тел.: +374 47 73 15 99, +374 97 24 20 64
E-mail: sargis@iij.servises.com
URL: www.avanshoushiplaza.com





«Шуши»
Гостиница находится недалеко от резиденции Арцахской епархии, кафедрального собора Аменапркич (Казанчецоц). Из номеров отеля (9 двухместных, 3 одноместных), оформленного в этническом стиле, открывается вид на собор и город. Для гостей отеля организовываются туры на внедорожниках.
Адрес: НКР, г. Шуши, ул. Амиряна, 3.
Тел.: +374 47 73 13 57, +374 97 25 15 99,
URL: www.hotelshushi.com

«Шуши Гранд Отель»
Гостиница расположена в тихом квартале Шуши, напротив церкви Канач жам. Здание окружено парком. К услугам гостей ресторан и летнее кафе. Поселиться можно в одном из 50 номеров и сьютов, среди которых 14 одноместных, 25 двухместных, 3 vip-одноместных, 3 семейных трехместных.
Адрес: НКР, г. Шуши, ул. А. Манукяна, 26
Тел.: +374 47 73 33 37 38
E-mail: www.shushigrandhotel.com
URL: info@shushigrandhotel.com



КАШАТАХСКИЙ РАЙОН



Постоялый двор «Меликатун»
Постоялый двор расположен в меликском (княжеском) дворце XV века в деревне Меликашен Кашатахского района НКР. Поблизости находятся известный монастырь Цицернаванк (IV—VI вв.) и термальные источники. На территории постоялого двора действует ресторан.
В «Меликатуне» 5 номеров — 2 одноместных, 3 двухместных
Адрес: НКР, Кашатахский р-н, деревня Меликашен
Тел.: +374 77 71 80 00

Real Legends of Today

The most common words used by politicians when speaking about Nagorno Karabakh are "de-facto" and "de-jure". De facto independence of Artsakh is still unrecognized. This fact has left its mark on the whole history of a small free country – it has overcome its past, thrust back all the formalities and chosen the real, in all senses of this word. "Real" is the best suiting word for defining Artsakh of today. However it doesn't strike you at once. Your brain starts the word-formulation process with what is evident, visible to your eye. Let us say – green. And what else can you expect when in one glance-shot you see all the variations of this colour?! Or sunny. This epithet is doubtless the next one to come – sometimes it seems you are attracted to this land by the force of the sun. Or mystic – when all of a sudden, you witness the ineradicable stone past of striking beauty rising up behind the rock. Then comes the turn for completely different feelings put into words born somewhere inside of you and not related to the external world. The most unexpected one among them says "peace". No matter what way you take – either you walk along the clean streets of Stepanakert or go through the fairy paths in the forests – you feel an absolute harmony between you and the surrounding reality. And only after, all these feelings bring you to that very word "real." You feel the real, living, pulsing earth under you feet, where in real time and according to real laws of conscience, in no hurry, live real, wise people. And inside of you swells, rises up that forgotten feeling of endless affection to this ever-existing land.



ENGLISH SUMMARY

Nagorno-Karabakh Republic







Declaration of Independence — **September 2, 1991**
Official language — **Armenian**
Capital — **Stepanakert**
Government — **Presidential Republic**
Area — **12 030 km²**
Population — **172 000**
Dialing code — **+374 47**
Time zone — **+4**



How To Get There

The only way to get to Karabakh is through Armenia. The main highway — about 350 km long, connecting Yerevan and Stepanakert — takes through the southern regions of Armenia — passing Yeghegnadzor, Vayk and Goris. The road takes 4-5 hours by car. Public minibuses to Stepanakert, with a seating capacity of 12-15 passengers, leave the central bus station of Yerevan every morning starting from 8 a.m. with an-hour interval. The drive takes 6 hours with only one 30-minute stop in the town of Vayk. The ticket cost is about $20. You can also take a taxi from the same bus station. In case there are 4 passengers in the car, the cost will be about $26 each.
Since 2012, the avia connection between Armenia and Karabakh has become available as well. The airport of Stepanakert started to function in the autumn of 2012, after completion of reconstruction works. The duration of the Yerevan-Stepanakert flight is 35 minutes.



Visa System

The Armenia-Karabakh border has no interstate status and is totally transparent. The passport checkpoint is located on the Goris-Stepanakert highway. Passports are checked selectively with no customs inspection. You may be asked to show your passport for checking the availability of the entry visa to Karabakh. If no, upon your arrival to Stepanakert, you will have to go to the Consular Services Department under the NKR Ministry of Foreign Affairs, where the visa issuance process will only take a couple of minute. The entry visa to Karabakh may be received in the diplomatic representations of NKR in the US, France, Russia or a permanent representation of NKR in Yerevan. The cost of the visa is 3000 AMD (about $9). No visa is required for the citizens of Armenia.



Internal communication

Public transport network covers practically the entire country. Regular buses for travelling within the country leave from the Stepanakert bus station, located at 35 Azatamartikneri St. (tel: 374 47 94 06 61). Shuttles from towns and villages arrive in Stepanakert mainly in the morning and leave in the afternoon. The cost of interurban travel does not exceed $3-3.5. Buses and vans in Stepanakert ply according to designated routes with fixed stops. The cost of travel within Stepanakert is 70 drams (about $ 0.2) regardless of distance. The cost of travel within the city by taxi is determined by a taximeter with a minimal price of 600 drams — about $ 1.5; on the average, the city trip costs $ 3-3.5. The rate is the same at any time of day. An average cost of a long-distance taxi ride is about 100 drams ($ 0.3) per kilometer.



Currency

The currency of NKR is Armenian dram (AMD). The allowed amount of cash you may bring — in both local and foreign currencies — is unlimited. Any freely convertible currency can be exchange to drams upon arrival at local banks, most hotels or licensed exchange offices operating in Stepanakert and regional centers. Currency exchange rates vary slightly. Owners of international credit cards such as Visa, MasterCard and Maestro, can cash out the money in local or foreign currencies in banks working with respective credit card companies. ATMs are installed outside the banks, as well as in supermarkets. The only accepted currency to pay for goods or services is AMD. There are bank branches in all towns of the country, open from Monday to Friday from 9:00 to 16:00 or 17:00 with an hour off — from 13:00 to 14:00.



Communication

The telephone services in NKR are provided by Karabakh-Telecom. The company has branches in all populated areas of the country. Calls are free of charge within the region, and there is a fixed per-minute rate for calls to another region within the country. In order to make an international call, it is necessary to dial 0, then the country code you call to, state (city) code and the telephone number. The cost of the call depends on the subscriber's country. Cards of the Armenian mobile operator VivaCell-MTS are also valid on the territory of NKR, available in the service-centers of Karabakh Telecom Company. Besides, you can send a fax or order an international telephone call at any time. Both companies provide roaming services with the world's leading mobile network providers. Detailed information on tariffs is available on the company's official website at www.ktsurf.ent. The international dialing code of NKR is +374 47. All Karabakh towns and many villages have access to the Internet. In some places, there are Internet-cafes providing hourly-paid services. The Internet access is also available in most hotels: some hotels provide connection directly in the hotel rooms.

There are post offices in all towns of the country (with the Head post office in Stepanakert, at the address of 30 Hakob Hakobyan St.) which are open Monday — Friday from 9:00-17:00 with an hour break from 13:00-14:00. The delivery of mail sent to and from Karabakh takes from 7-14 days depending on the country of the sender and the country of the addressee.

The postal code is 375000.

STEPANAKERT



Park Hotel Artsakh
A boutique hotel, functioning in a renovated building of the mid-19th century, located in the city center, near the public park of Ashot Ghulyan and a cathedral — currently under construction. It is the only hotel in Karabakh, located in the building which is recognized a historical and cultural monument. All the hotel rooms — one presidential suite, one bedroom apartment, 2 luxury suites, 5 single rooms and 19 double rooms — have a common design style. For the interior decoration, sculptures and paintings by local artists are used. The hotel offers to its guests a restaurant, lobby bar, café, gift shop, business center, library, meeting room which is the largest in the republic, currency exchange office, ATM, long-distance communication.
Address: 10 V. Sargsyan St., Stepanakert, Nagorno-Karabakh.
Tel.: +374 47 97 19 71,
URL: www.parkhotelartsakh.com

Vallex Garden Hotel
The hotel is situated in the center of Stepanakert next to the Lovers' Alley. The guests are given an opportunity to choose among 58 elegantly furnished rooms of different categories (standard, superior, deluxe, suit, and presidential suit) the modern-style interior design of which is maintained in soft moderate colors. Vallex Garden Hotel provides a wide range of services to make your stay, business or rest at the hotel comfortable: a restaurant, banquet hall, 2 conference rooms, lounge bar, fitness club, swimming pool (the largest in Stepanakert), spa, as well as a free parking lot and Wi-Fi.
Tel.: +374 47 97 33 97, +374 47 97 33 93, +374 97 33 97,
E-mail: info@vallexgarden.com, URL: www.vallexgarden.com





Armenia
Built in 2007, the hotel is located in the very center of Stepanakert, in the Renaissance Square. Due to a convenient location, comfort and impeccable service, the hotel is one of the most popular in Artsakh. There are 55 hotel rooms, including one suite, 7 luxury suites and 47 double rooms. At guests' service there is also a business center, sauna, fitness center and a restaurant.
Address: 4 February 20 St., Stepanakert, NKR.
Tel.: +374 47 94 94 00, +374 47 94 88 02,
URL: www.hotelarmenia.ru

Avetis
The hotel is located in a quiet and cozy place not far from the city centre. You can admire a beautiful view of Stepanakert and surrounding mountains from the hotel windows. All rooms (4 double rooms, 3 triple rooms, one family suite and one luxury suite) are well equipped to ensure a comfortable rest. You can book excursions, order a taxi, as well as get tickets to museums and concerts right at the hotel.
Address: 71 Gyurjyan St., Stepanakert, NKR.
Tel.: +374 47 97 17 18, +374 47 94 17 18, +374 97 21 25 25,
E-mail: hotelavetis@yahoo.com





Heghnar
The hotel is five-minute drive from the city center, located in the park zone of Stepanakert. It offers 25 comfortable rooms (4 triple rooms, 14 double rooms, 7 single rooms) occupying three buildings. The hotel has two small open air swimming pools. A modern fitness center and an outdoor stadium are also located nearby the hotel. There are fully-equipped kitchens in two of the hotel rooms. It takes only a couple of minutes to get to the city center by car.
Address: 39 Abovyan St., Stepanakert, NKR.
Tel.: +374 47 94 86 77,
URL: www.heghnarhotel.com

MARDAKERT REGION



Tsovin Qar
The hotel is located near Vanq Village, four kilometers from Gandazsar Monastery on the bank of the mountain Khachen River. Right behind the hotel, there is a huge sculpture of a lion carved into a rock. The hotel has 7 single rooms, 10 double rooms and one triple room. The guests can visit a tavern restaurant of the same name fully furnished in ethnic style, as well as an open-air restaurant right by the river where specialties of Artsakh are served. There are ponds in the hotel territory with farmed trout and sturgeon. You will have an opportunity to order fish caught by yourself.
Address: Vanq Village, Mardakert Greion, NKR.
Tel.: +374 97 23 50 72

Eclectika
The hotel is situated in Vanq Village, three kilometers from Gandzasar Monastery. It is constructed in the form of a ship and is also known as "Titanic." You will see a beautiful cascade of artificial waterfalls in front of the hotel. Besides, the only Karabakh zoo also functions in the hotel territory. The hotel has 3 single rooms, 2 triple rooms,12 single rooms and 2 luxury suites. The stone hall is located on the second floor. "Van Gogh" restaurant offers dishes from Armenian, Artsakh, European and Chinese cuisine. The guests of the hotel will also find a café, Internet club, gift shop, parking lot, open cinema, "Gandzasar" bar, and other facilities at their service.
Address: Vanq Village, Mardakert Region, NKR.
Tel.: +374 97 23 50 72



SHUSHI

Avan Shushi Plaza
The hotel is situated in the center of Shushi — the cultural capital of NKR — in the building which was renovated only in 2011. Guests will find a restaurant, lobby bar, conference room, sauna, swimming pool, business center, free internet and satellite TV at their service. The hotel has 6 single rooms, 18 double rooms and 7 single deluxe rooms.
Address: 29 Kazanchetsots St., Shushi, NKR.
Tel.: +374 47 73 15 99, +374 97 24 20 64,
E-mail: sargis@iij.servises.com,
URL: www.avanshoushiplaza.com





Shushi
The hotel is situated not far from the residence of Artsakh Episcopacy — Amenaprkich Cathedral (Kazanchetstots.) The ethnic-style hotel rooms (9 doubles and 3 singles) overlook the cathedral and the town. There are off-road tours organized at the hotel for the hotel guests.
Address: 3 Amiryan St., Shushi, NKR.
Tел.: +374 47 73 13 57, +374 97 25 15 99,
URL: www.hotelshushi.com

Shushi Grand Hotel
The hotel is located in a quiet part of Shushi, opposite the Kanach Zham Church. The building is situated in the park zone. It has a restaurant and an outdoor cafe. You can book one of the 50 rooms and suites available at the hotel including 14 single rooms, 25 double rooms, 3 VIP-singles and 3 family triple rooms.
Address: 2b A.Manukyan Dt., Shushi, NKR.
Tel.: +374 47 73 33 37 38,
E-mail: www.shushigrandhotel.com,
URL: info@shushigrandhotel.com



KASHATAKH REGION



Melikatun hotel
The hotel is located in the 15th-century melik (prince) palace in Melikashen Village of NKR Kashatagh Region. The famous Tsitsernavank Monastery (4th -6th cent.) and thermal pools are located near the hotel. There is also a nearby restaurant in operation. There are 5 hotel rooms — 2 singles and 3 doubles.
Address: Melikashen Village, Kashatagh region, NKR.
Tel.: +374 77 71 80 00



The Key Events in the History of Artsakh

2nd century B.C.-4th century A.D. Since the beginning of the 2nd century B.C., the region was part of Greater Armenia and was known as the Province of Artsakh (according to Greco-Roman sources, it was called Orkhistena). Since that time, started the formation and penetration of the Armenian culture in the territory of Nagorno Karabakh. In the 1st century B.C., Armenian King Tigran II the Great founded the city of Tigranakert — one of the four cities named after him at that time. After the partition of Armenia in the 4th century A.D., Artsakh became part of the Caucasian Albania (vassal of Persia) which, in its turn, ceased to exist at the beginning of the 8th century after the Arab invasion.

9th-11th centuries. The territory of Nagorno Karabakh formed part of Bagratid Armenia.

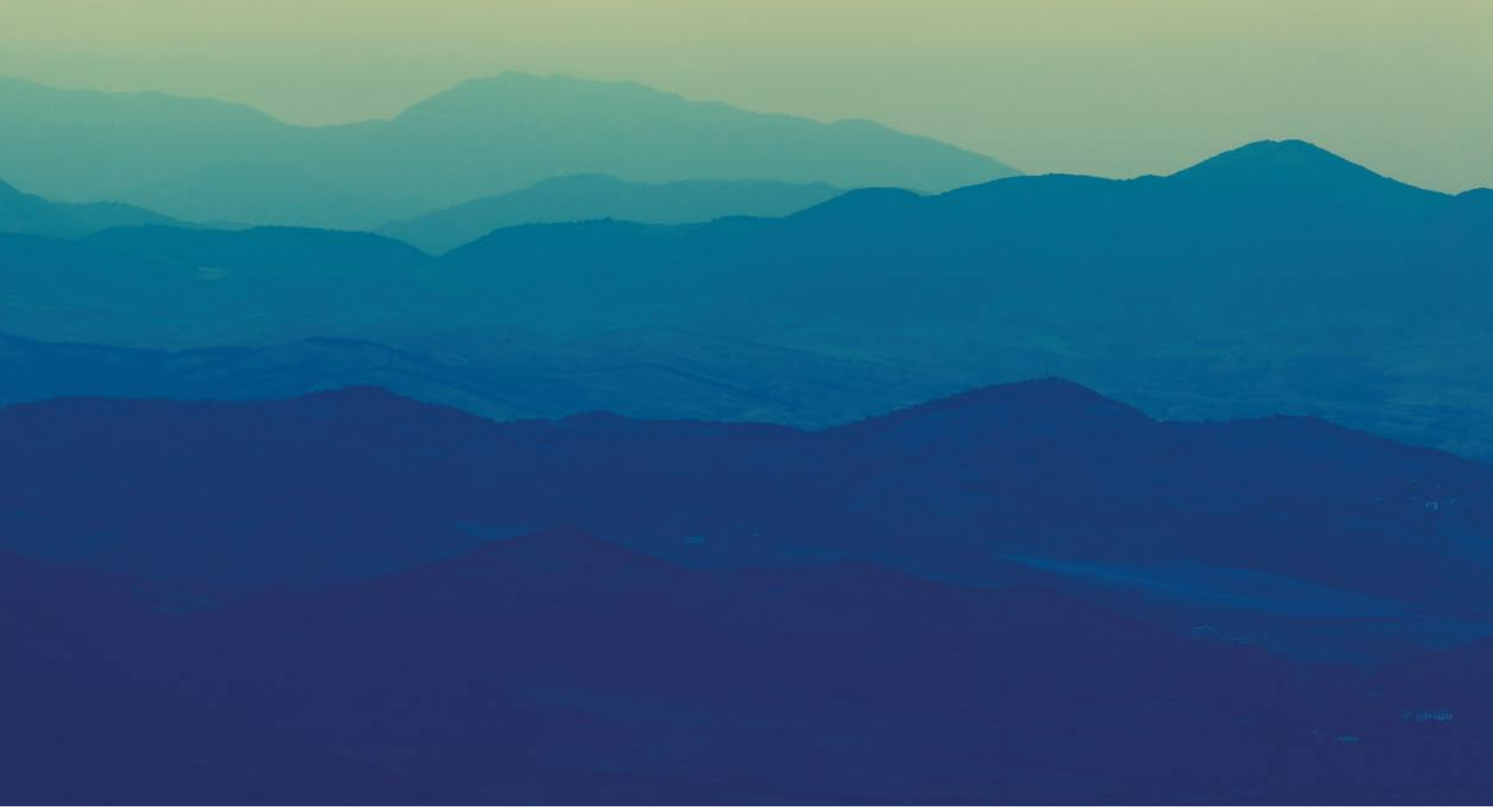
Early 9th century. Under the leadership of Sakhl Smbatyan, in the territory of Nagorno Karabakh formed was the Armenian feudal princedom of Khachen.

Late 16th-early 17th century. After the Khachen Princedom broke up, it was replaced by five Armenian principalities (Khachen, Dizak, Varanda, Jraberd and Gyulistan) known as Khamsa Melikdom (after Arabic "khamsa" meaning "five"). Under subordination of Karabakh beglerbek residing in Ganja, those princedoms (melikdoms) existed till the end of the 18th century.

1720s. Nagorno Karabakh became one of the centers of the national liberation struggle of Armenians against the Shah of Iran and the Ottoman Empire.

1747. In Lowland Karabakh formed was Karabakh Khanate, which soon took power over the predominantly Armenian-populated Nagorno Karabakh: the first two Karabakh khans — Panah-Ali Khan and Ibrahim Khalil Khan — subdued the Armenian meliks and settled in the center of the ArmenianVarand melikdom, in the fortress city of Shushi built by Panah. As a result of feuds among Armenian meliks, for the first time in its history, Nagorno Karabakh fell under the Turkic rule.

18th century. Starting from mid-18th century, Nagorno Karabakh saw the outflow of the Armenian population and mass migration of Turks to the region.



1805. During the Russian-Persian war the Khanate was occupied by the Russian forces.

1813. Upon the Treaty of Gulistan, Ganja and Karabakh khanate, along with other north-eastern provinces of Eastern Armenia, became part of Russia.

1822. Liquidation of the Khanate. Nagorno Karabakh first became part of Karabakh Province and then — part of Elisabethpol Governorate of the Russian Empire.

1917. After the fall of the Russian Empire, Karabakh practically became a state — governed by the Assembly of the Karabakh Armenians.

1920-1921. With the establishment of the Soviet government, Karabakh was first proclaimed part of Soviet Armenia, however, later it became part of Azerbaijan SSR with provision of regional autonomy — "based on the need of national peace between Muslims and Armenians, and economic relations between Upper and Lower Karabakh, its constant communication with Azerbaijan."

Sep 2, 1991. At the joint session of the local legislative councils of Nagorno Karabakh and the Shahumian district, the Declaration of Proclaiming Nagorno Karabakh Republic within the boundaries of the Nagorno-Karabakh Autonomous Region and neighboring Shahumyan district of Azerbaijan SSR was signed.

Dec 10, 1991. A referendum was held on the status of NKR, with 99,89% of participants voting for its independence. The same year started the military conflict between Nagorno Karabakh Republic and Azerbaijan.

1992-1994. Azerbaijan failed in its attempt to destroy NKR via mass military entrance and bombing the civilian population. Despite large numerical superiority of the Azerbaijani army, Karabakh Armenian armed forces not only repelled the invasion, but also succeeded in expanding the territory of Nagorno-Karabakh, forming a "security zone" in the surrounding regions of the Lower Karabakh.

May 1994. A Ceasefire Agreement between the NKR and Azerbaijan was signed, which actually fixed the existing borders of the Nagorno-Karabakh Republic. This status-quo is preserved to this day.

The Story of Immortality

At night, an uncommon shining can be viewed above the Vank Village — a proud silhouette of a Christian temple looms on the patch stolen from the stygian gloom. And only the morning light can uncover a "treasure mountain" beneath it — Gandzasar that gave a name to the monastery once grown into it and Surb Hovhannes (St. John the Baptist) Church. According to the 7th century historian Movses Kaghankatvatsi, this is the place where buried is one of the supreme relics of Christianity – the head of the saint who baptized Jesus Christ.

Text **Anna Lorents** | Photo **Hayk Melkonyan**



Certificate of birth

The walls have preserved all the metric data of the birth of Gandzasar: "In the name of Holy Trinity, God and Holy Spirit, this note evidences that I, humble servant of God, Jalal Dola Khasan (...), ruler of high and great country of Artsakh, king in multiscale world of Khokhnaberd. My father (...) before his death and passing to the other world made a will to me and my mother Khorishakh (...) to build this church over the graves of our fathers in Gandzasar, which we started in 765 by the Armenian calendar (1216) (...) and by charity and blessing of All-Merciful God completed it in 682 (1233). However, yet before the mentioned happenings, the existence of the church standing in this place was evidenced by sources of the 9-10th centuries, for example records of Anania Mokatsi (946-968), as well as by khachkars of 1174, 1182 and 1202, survived in the territory of the monastery. At that time, Gandzasar was already a site for political and religious gatherings.

Nevertheless, the second birth of this sacred place was marked by special events. According to the historian Kirakos Gandzaketsi, among those present at the celebrations of the consecration of the church on July 22, 1240, on a big day of Vardavar Feast, the number of priests only equaled to seven hundred. And, in this case, the number is important as an indicator of the event significance. The unprecedented for those days agiotage related to the consecration of a church — in the country full of churches — could not bear an accidental character.

Mystery of the Treasure Mountain

The great mystery of Gandzazar was told by another historian Movses Kaghankatvatsi. In some editions of his work "The History of Aluank", there is a chapter "About the honest head of St. John the Baptist and about how it was brought to gavar Artsakh and placed in the saint Gandzasar, where the throne of Aluank was." And this is what they are — the Armenian pages in the history of wandering of the rarest holy relic. Over the centuries, the head of St. John the Baptist was passed from hand to hand till it found itself in Iveria (Georgia) "in the hands of the brother of Jalal Dola Khasan, the ruler of Arstakh. In 1211, Jalal Dola went to his brother and asked for the holy head, the latter never agreed to hand it at his own will. Thus Jalal Dola seized the head by force and brought it to the land of Gandzak, to his dynasty's sepulcher in gavar Artskakh. And he placed it there and, in praise of God and of St. John the Baptist, he erected an amazing and beautiful cathedral church. And on the day of the church consecration, he named it after St. John the Baptist."

Holly sinners

No story of death is ever meant to entertain. Nevertheless, what happened to Jalal most likely reminds of a martyr's death of saints. He was taken prisoner by adherents of a different faith who tried to convert him to Islam putting him to tortures and humiliation. But Jalal was strong in his faith. He was murdered and his body — cut into pieces — was handed to his son Atabek, who consigned the remains of his father to the earth.

In the narthex, adjacent to the Hovhannes Mkrtich Church, used as a dynasty's sepulcher of Khasan-Jalalyan Princes, where buried were many of their representatives, I was shown the tombstone of Khasan Jalal the Pious. It lies right at the church entrance and no matter how hard you try, in order to cross the threshold, you have to stand on it. As it turned out, it was no accident — Dola himself indicated his burial site for all those who would come to the church to inevitably step on his grave — as expiation for his sins. And for some unknown reason, an immediate thought came to my mind: can "take by force", or rather "steal", the head of John the Forerunner and Savior from a brother be considered a sin?

And there stands Gandzasar

And there lives the faith that the head of St. John was buried right here, that this is that very place where you have to come and pray to God about the innermost of you, and from this place He will hear you. It is century-proven: miracles happen here. One of them is the image of two angels resting on both sides of a tall fretted altar. They seem to be just faded remnants of murals. But they are not. No one painted them. They simply appeared. And day by day the image becomes clearer and clearer with new details appearing on it. And it is not all. During the Karabakh war, there were forty warriors left surrounded in the territory of the monastery. The battles were never-ending. Gandzasar was bombed for several times a day. But it did survive. Here is what those events' participants, who interrupted each other when talking and, what seemed to me, still did not believe their own words, told me: "The missiles flew over Gandzasar, but suddenly they changed the course and fell into the gorge." Not ten, not even twenty — hundreds! And only one of them hit the wall of the monastery. And it didn't explode! It still remains there stuck in the wood layer. And it is kept like this already as a relic. "We protected Gandzasar, and it protected us", — concluded one of the tellers. — "Just imagine: forty people against four hundred and non-stop firings from the sky. And we had no soldier lost. Moreover, no one was seriously wounded. Thank God! It was all St. John the Baptist, who stood guard over his home and his protectors."

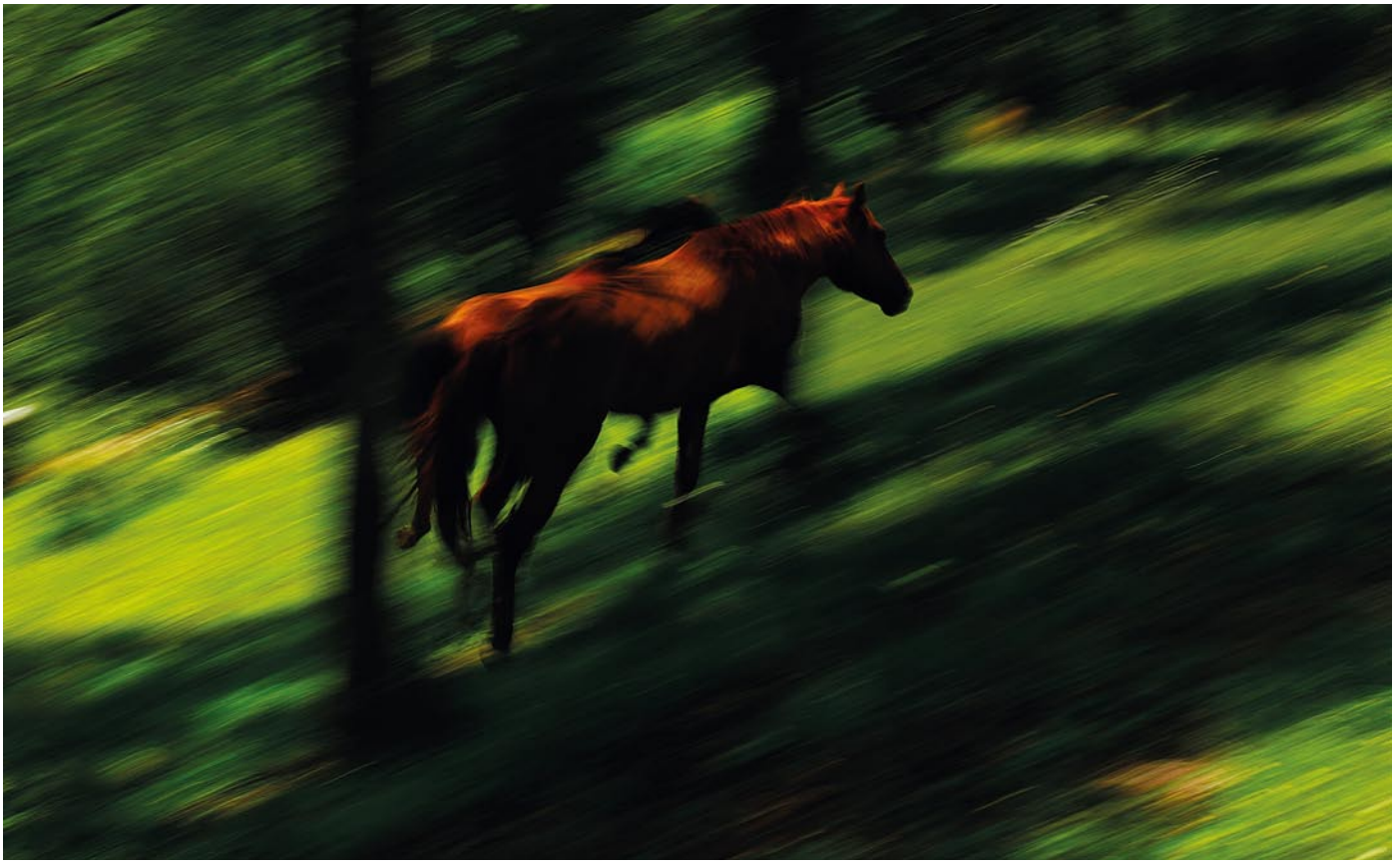
Temple of Hope

Too many names were given to Gandzasar — "the greatest miracle", "the Armenian pearl", "an original and independent creation in its perfection", "the heavenly dome-shaped church"...And all of these, if given a thought, are not an attempt to describe the monastery but to express the feelings it arouses in people. As soon as you come here, it becomes clear that all efforts are futile — for here you face the impossible. On the other hand... This is why Gandzasar stands for — to keep the ever-lasting hope for the possibility of the impossible. ■

Naringe: The Color of Peace

In 2004 a postage stamp was issued in Armenia depicting a Karabakh horse. It took place just at the time when the hope to restart the development of a once disappeared breed arose. Karabakh racing horses — the past glory of Artsakh meliks and the Armenian cavalry — is a national pride of today's Nagorno-Karabakh Republic. They are not intended for sale or export; they are bred for free life in the mountains of Kirsavan village.

Text **Nune Melkoumian** | Photo **Arnos Martirosyan**



Perhaps it comes naturally that the road taking to a wonder must be wonderfully hard. Passing every mile of our way to the Kirs Mountains, we thanked our lucky stars for having a "Niva" — which seems the only vehicle capable of overcoming at least half of this difficult route. A massif from one side, a canyon from the other — the landscape which is in fact so familiar for Armenians, but still you can't help admiring the view. At the same time, the air — opaque because of the shining sun — prevents from seeing clearly this green sea — stirring right in front of us. An hour of a serpentine road, and here we are, in Kirsavan — a small village with only two dozen families residing in it. Moreover, the house we were headed to was standing on its own — overlooking none but the green mountains and the sky. Vast grassland lay behind it where two horses and a foal were grazing. Noticing us, the horses enlivened, came closer to the foal and started throwing martial sidelong glances at us — the strangers.

— Karabakh horses, and this is what they are... Wild-tempered, and when the question comes to protecting their foals, they become even dangerous. It is better not to approach them, — said Poghos, one of the breeders of Karabakh racers in Kirs.

— And how do you saddle them up?

— Oh, you must possess much strength and patience! But on the other hand, try as you might, you'll never find another horse of greater endurance in the mountains. And our grandfathers knew that as well, that's why they travelled long distances only on Karabakh horses. Then, apparently, making up his mind that the wisdom of their grandfathers

was to be proved by an unconditional authority, Poghos told us that even Alexander of Macedon chose twenty thousand Karabakh horses for his cavalry to make his way in the mountains easier. Besides, the racers were also appreciated in neighboring Iran. In the article on "A Few Words about Persian Horses", which I read in the magazine called "Horse Breeding" published 130 years ago, there was an interesting record saying that the popularity of Persian horses was conditioned by the blood of the Karabakh racer flowing in them. Moreover, the experts of a special commission of the Russian imperial cavalry army noted during their visit to Persia in 1852, that the main merit of the Persian cavalry was the presence of pure-blood Karabakh horses in it, characteristics of which in a number of areas were equal to those of Arabian horses.

— And what are the distinguishing features of the Karabakh racer?

— They are in numbers, too many to list. I have all the recorded standards of the breed taken down yet at the beginning of the 20th century. If you want I can show them to you. But the most important distinguishing feature is their coat color. The color of one of them is yellow-orange and this is how they are called — naringe (Armenian for orange). The Naringe horses are not very tall; they are strong, with hardy legs, broad chest and brown mane.

Always in the saddle

In Raffi's "Khamsayi Melikoutiunerâ" (The Five Melikdoms of Karabagh) told is that the Artsakh Army was made of the Armenian infantry and cavalry. The famous Artsakh cavalry was an outstanding force since antiquity. The development of the cavalry was enforced by Karabakh horses. They were very much similar to Arabian horses by their physical characteristics and appearance, writes Raffi, but distinguished from them by golden-red color. And saddling those speedy and hardy racers, the Armenian-Artsakh cavalry took part in a number of decisive battles often far away from homeland.

Ineradicable

Up to the beginning of the last century, the main breeders of the racers were Karabakh meliks. Later, as a result of the ongoing wars and revolutions, the Karabakh breed horses were left to their fate and almost disappeared. Only by late 1940s, the breed was redeveloped by supreme efforts put forward.

At that time they succeeded in finding only one single pure-bred Karabakh racer — a stallion, named Sultan. And practically all Karabakh horses that live in Kirsavan today are his descendants. Over several decades much was done towards furthering the breeding of Karabakh horses. It is even known that Nikita Khrushev presented one horse to Queen Elizabeth II — an inveterate horsewoman and true connoisseur of horses.

The nineties came as the years of war. The breeding farm where the horses used to live was left unattended, and one day it simply became empty as the horses ran away. It was believed they were lost for good, but suddenly the fortune smiled. Moreover, by some unbelievable luck given was a real and perhaps the only chance. The residents of Kirsavan noticed a herd of amazingly beautiful horses. And there was every indication that the horses were of the Karabakh breed. Poghos and his friends spent not a single day on catching the horses then. They saddled the horses and started the breeding farm. Today the foals born on the farm are grown, saddled at the age of three and liberated.

— And what is the reason of saddling if later the horse is freed to live on its own?

— In order they get used to people and to moderate their temper — says Poghos.

— But there are many horses living in forests that have never been on the leash. They were born in freedom and are free today as well.

War and Peace

It is believed that these horses are not afraid of people. On the whole, they think of themselves as of rightful owners of the area. They come and leave whenever they want to. In order to have a look at Karabakh horses living in the wild, we get into our off-road vehicle, drive somewhere up in the mountains and stop on a small grass-plot. Amid green and sun-drenched meadows and mountains, there is a narrow path taking somewhere far away. And suddenly, on the vague blue-and-green horizon line emerge the silhouettes of splendid Karabakh horses. It seems that if there were ever tourist booklets or greeting cards of the paradise, they would depict this image and none other.

— They won't touch us, will they? — the thought of an oncoming "orange" storm all at once made me feel uncomfortable.

— They won't even notice you.

Just like I was told. It wasn't a herd, only a small troop of six stallions. One of them — with high withers and chestnut mane — was notable for his lameness. We were told that once he was the leader of the biggest herd in Kirs. Then he broke his leg in a skirmish with younger stallion, was expelled, and today he enjoys a free wild life. Obviously, the broken leg could have been taken care of by a veterinarian; however, freedom has its own rules. In general, the people here do not interfere in the natural course of things. Perhaps, apart from extermination of wolves — the number of which has been growing too fast recently — they attack foals which are left behind, and the people here are too afraid of losing their national heritage — so difficult to obtain and redevelop. At the same time, according to the history, there is almost nothing beyond their strength in nature. The breed was to disappear only in restless times of revolutions, wars and conflicts. The Karabakh racer is a symbol of freedom and tranquility. A beautiful orange banner of peace. ■

Karabakh-on-Don

It's a well-known fact that a Karabakh racer bore significant influence on the formation of the Russian Don breed. The Cossacks first brought "Karabakhs" to Don at the end of the 18th century after Persian and Turk marches. A century later, there was a stud farm of Karabakh-bred horses established in Don by Colonel Matvey Platov. Whereas, right up to the beginning of the 20th century, a well-known Don horse-breeder Vasiliy Ilovayskiy used Karabakh racers in order to improve the Don bred.



A Taste of Karabakh

Every country, every city and every village has its special taste. Without this taste, it is impossible to draw a full picture of the place. And Karabakh is no exception. Millet — fried all over on a burning hot oven, tonir-baked thin crispy bread topped with melting salty cheese, pungent stuffing of jingyalov hats and throat-scorching mulberry vodka — all of these is Artsakh — the taste of which is so inviting for its guestst.

Text **Nune Melkoumian** | Photo **Arnos Maritrosyan**

The first and, perhaps, the most distinguishing feature of Karabakh cuisine is that people here do not bake flatbread — lavash. Tonirs can be found in every Karabakh village, but the bread baked in them is the Artsakh bread called tonrahats. Round, thin and crispy, it distantly reminds Georgian puri. And if you can leave lavash for months, this one must be baked every 3-4 days, which is why the villages of Karabakh always smell delicious of fresh tonrahats. Every visitor, without exception, is welcomed by hot Karabakh bread and salty cheese in any local restaurant. Important is not to be carried away and wait for the main dishes to come. The bread and cheese are accompanied by Karabakh pickles and fresh greens.



Khingal

When asked "where to have tasty food", the residents of Stepanakert, in the majority, reply with "Ureni". The friendly restaurant chef — after long-lasting repetition of something like "whatever we serve is outstanding" — finally oriented us on a traditional dish. The secret of preparing the special restaurant charcuterie remained unveiled, of course. Beef cold cuts, spiced in a special way, melted in the mouth right away and were a perfect supplement to the famous Karabakh pomegranate wine. Yet khingal can be definitely made by anyone and, like the majority of local dishes, it is so copious that not everyone is capable of finishing the portion till the end. Cut in long rectangles, dough pieces — previously boiled in salted water — are placed in a deep bowl. All this is covered with matsun (plain yogurt). Then, the center of the bowl is freed and ground meat is placed there. The meat is preliminary fried with onions and species, which are added at the discretion of the chef.

Jingyalov hats

You can grab food on the hoof or buy something to take home right from the Stepanakert market. At first, you will be unable to pass the front market row, as it is just impossible to leave behind the women who are baking, perhaps, the most well-known national Karabakh specialty called jingyalov hats or simply jingyal right on the spot. The locals say



that the preparation process of making jingyals is a whole ceremony — when several generations of women gather together and the elderly pass on their secrets to the young. The balls of dough are rolled into very thin discs and filled with finely chopped fresh herbs. The secret of jingyal is in the herbs — it is said that in the "right" season, the number of the herbs put in jingyal reaches 20! Today, many types of herbs are grown right in the yards of the locals' houses, whereas the special appeal of jingyal — herbs with funny names, known as ktsmtsuk and khndzmndzyuk, grow only in the wild. Jingyal is baked on a burning hot bulged griddle — sadj — and the process takes only a couple of minutes. A jug of cold tan — and you can enjoy the tastiest Karabakh dinner.

As soon as you become immune against the magic scent of jingyals, you can get ready for the next gastronomic attack of the Stepanakert market — the beauty of many-coloured pickle jars accurately placed in several rows is so impressive that friendly saleswomen start looking like artists capable of creating masterpieces out of colors and glass.

Tea

Dried thyme, which is called urts in Armenian, can be also bought here, in the same market. There are pure urts tea lovers, when for the rest — it is a favorite additive and a necessary, useful and tasty supplement to black tea. Proportions vary depending on preferences. People in Karabakh drink tea rather frequently and in large quantities. In some local restaurants and cafes, you will be served with a whole kettle of tea if ordered — to make sure it will be enough for a drinker. And here comes another sweet tradition of putting a bowl of candies and lump sugar on the table. Besides, it is thought to be incorrect to put sugar into tea, as it can spoil the tea flavor. This is why served is lump sugar, and you are expected to drink tea unsweetened while holding a piece of sugar in your mouth.

Kachap

The real Karabakh dinner is made of tasty hot bread right from tonir, cheese, kachap soup and something substantial as a main dish. And we tried all of these in the village of Mets Tagher. Interesting is that almost all recipes seem to be very simple to cook but it's obvious that important is to get the knack of it. The woman who had cooked for us was known as a good cook. At first she treated us with kachap. At the sight of all the kachap ingredients, you think that it will be something uneatable. But, in fact, it is one of the tastiest dishes in Karabakh. Kachap is a name of an herb growing in the mountains in spring. It is very bitter when fresh that is why it is finally chopped and dried. Kachap is cooked in boiling water with rice and species added to your taste. Sweet or sour lavash is made separately from unripe plumps. Then all the ingredients are joined and cooked until ready. Kachap is believed to have healing properties: if you have a cold and eat kachap several times a day, you will no longer in bed. Besides, kachap whets appetite. There is even a story about a hungry man who was offered kachap. He ate one plate after another, and the more he ate — the hungrier he became. He got so angry in the end that swore to burn all the places where kachap grew. What comes to us — we liked the soup so much that we wanted to buy the dried herbs to make the soup at home. However, we couldn't find a single person in the village willing to sell them to us. At last, we were given a symbolic one-time portion as a present. Perhaps the healing properties of the herb are so strong that no money would make the people of Karabakh sell such a popular folk remedy away.





Khashil

All meals we were treated to in Mets Tagher were cooked on the oven. And for an unknown reason, you become certain that this traditional way of cooking makes food healthier and tastier. After khachap, we were offered to khashil — another hearty meal, popular not only in Karabakh but also in a number of Armenian regions — though made in different variations. Wheat must be fried and milled, and the mass obtained must be boiled in water. After the porridge is ready, it is beautifully placed in a bowl in the center of which a small hole is opened with a spoon which is filled with stir-fried onions cut into large pieces. The last thing to do is to coat the ready meal with cold tan.



Mulberry Vodka

Mulberry vodka — tutovka — is the start and the outro of all feasts in Karabakh. A refusal to drink means a mortal insult to the host. In general, an uninitiated guest may find no challenge in taking a shot of this nicely smelling transparent liquid. Deceptive! Mulberry vodka may be 80° proof. By the way, the table for the guests, i.e. — us, was laid in a one-room log-house, where a good-natured old man was actually making tutovka. So he shared with us the unsophisticated technology of making it. Mulberry is placed in a barrel and left to ferment, distilled twice, and, here it is — your tutovka is ready. We tried it right from the distiller. Both the scent and the taste were incomparable. Besides, tutovka is the first medicine here. It is used in treatment of all types of diseases — from common cold to gastric ulcer. And surely its major healing property is in uniting all the feast participants. The atmosphere of sincerity it creates is no way a side effect but its most important feature. The persistent scent of tutovka suppresses uneasiness and helps feel joy out of simple human contact. On the whole, the seeming simplicity of Artsakh kitchen is not only in its rich taste but in the warm-hearted hospitality.

Whereas the main secret of, let's say, that very same jingyalov hats lies in neither ktsmtsuk nor khndzmndzyuk, but in the easiness and cordiality with which people here cook and treat. ■



Inside Height

Is there a starting point for the memory? Perhaps once there was, but now it has been lost in the fathomless eyes of the old people of Mets Tagher — busy with playing cards in the main square. Wearing tweed jackets, holding walking sticks, with old-fashioned caps covering their heads they count out the unhurried village time in sets of cards laid on a wooden table. I have a feeling that if I say a word this beautiful picture will disappear like a mirage. However, this almost illusory scene of leisurely midday card game is what I've had as the first and the truest impression of Mets Tagher. Moving quickly around the table, Vadik Danileyan — the Head of the local Community — is measuring a completely different time. He seems impatient to show us the village acquisition of the recent years as well as what has always been its pride. Walking up and down the narrow streets we are heading toward meeting the memory.

Text **Nune Melkoumian** | Photo **Arnos Martirosyan**

In Tea Veritas

Can the exact time of the idea born be identified? Perhaps it was the moment when Gagik Voskanyan of Tagher was nailing a wall to hang an old photograph in the new tea-house? Though the very essence of the idea is so fresh and harmonic that it seems to be an always existing one. The certain thing is that almost 10 years ago in an old house in Mets Tagher there was a tea-house opened, with carpets to cover the floors and old-time photographs to be hung on the walls. And it was the beginning, the first part of the road of "Mets Tagher toward the World." In several years the village saw a different life.

— We thought that in order tourists have a better vision of Karabakh, they must come to a village. Moreover, a village where traditions of Artsakh are kept. We call it ethno-tourism. They can even stay here for some time. Of course, there were things that needed renovation; some other things needed to be rebuilt. Soon there was an endowment fund established by our fellow-villagers — now living in different parts of the world, — says Gagik Voskanyan, the Executive Director of the Foundation. Another thing is that there are no hotels built in Mets Tagher. The villagers eagerly accepted the idea for attracting tourists. The rooms for rent are offered in the houses of the locals. The new source of income turned to be a perfect opportunity to show the true Karabakh hospitality. Apropos of this, we are treated to tea in a generous Karabakh way when a huge tea-pot and a bowl of

candies and lump sugar are placed on the table. Gagik ad Vladik tell us the stories of the photos on the walls. They say that as soon as the idea of hanging them was born, the villagers happily raked the old chests. And, indeed, the photographs are in a significant number.

— You can see my grand-grand-father on that one — says Gagik — he celebrated his 121st birthday, can you imagine that? My father is younger than him for a total of hundred years. A century! And they used to work together tirelessly. Such a strong person he was.

I look intently at the picture of a dark-haired serious man — it is almost impossible to determine how old he was when this photograph was taken. It is typical to long-livers — there comes a time when counts are far away from being kept in numbers.

After our tea party, we are headed to the smithy — another old house in Tagher. It has a doorplate with a dozen of blacksmiths' names who used to work here. Written in their memory.

On the whole, handicrafts were rather developed in the village, — says Vladik — ceramics, wood carving, tinning, carpet making. But blacksmiths were most demanded. For that very reason the first thing we restored was the smithy. Today, the blacksmith of Tagher works in the same way as his precedents used to work 100 years ago — with no automation at all. Traditions are more important than speed, especially when the question comes to attracting tourists.

— Take on an apron — says the red-cheeked blacksmith — we'll make a lucky horseshoe for you.

And this is how I managed to be involved in the process of horseshoe making. I was entrusted with the easiest part — pumping air into a forge. The whole process was only three minute long — and only because of my sluggishness. The horseshoe came with stamped M&T initials, meaning Mets Tagher. My personalized luck has coordinates — always to remember where to go after it again.

Old new mode

The first sign of my luck appeared when we were offered to have some food. A brand-new, recently built traditional kitchen, right here... the word "nearby" is, probably, inappropriate. Everything is so close here, that you don't need meters to measure the distance. The smithy-kitchen distance means four moms with their children, three houses, thirteen steps and a short dialogue.

— How long have you been in the position of the Community Head?

— For 13 years already. Actually, I'm a mathematician, educated in Yerevan. Then I moved here for family reasons, taught in a school, fought in the war. I was chosen in late 90s, –says Vladik.

— How do you like it?

— In fact it doesn't matter. Many years ago I chose what I like — and it was mathematics. Then, the thing I was supposed to do chose me. Therefore, my work in Mets Tagher is a real karma. You never know where your dreams will take you. But probably it is even harder to foretell what fate has in plans.

Here is the kitchen. Its log style makes it more like a balcony looking out over a gorge. It was built only recently. Here you can see how meals of Karabakh are made, if you want to. The stove with almost boiling khashil on it is also here. However, the smell of food is practically insensible because of something with much stronger smell.

— It's flyush, –Vadik and Gagik say in one voice.

Having noticed our confusion, they decide to better show it to us once, than try to describe it for hundred times. It turns out that in Artsakh the word "flyush" is an equivalent to fermenting mulberry — the raw material used for making mulberry vodka. Here this kind of vodka is made right on site — in the house built in the late 17th century which in due time practically went underground. Later it was discovered and restored. Even designers and historians were invited in order to carry on a proper restoration keeping all traditions of that time. As soon as the works were competed, the "factory"– the word used by the locals for the home-distilled vodka apparatus — was put into operation. After some time the vodka became so popular among the visitors that it was decided to start a bottled production. We managed to see the first lot of the homemade Tagher vodka accurately bottled and labeled, but we were treated right from the apparatus. There is some magic in the first drop of just made vodka. Or, maybe, it seems so because of the alcoholic steams that strongly saturate the air and tune to that kind of mystical mode. Besides, after spending some time breathing the air of this house, the probability of getting more fuddled drinking vodka is hardly strong. Well, this was what I thought before empting a nicely-smelling glass. A slight dizziness suggested an idea of the necessity to have an instruction on the bottles of Karabakh homemade vodka saying "Careful when drinking!"

— It is made right for that, to get tipsy and have fun! — laughs Vadik.

Along with it, we are offered kachap soup — sort of greens growing only in Karabakh — khashil, and pickles. In a couple of minutes, the crispy Karabakh bread appears on the table. Tonratun — the room where bread is baked — is also a traditionally necessary facility. It is built next to the kitchen.

After dinner we took a walk which brought us to the place where it all started for me. In the new square of Mets Tagher, which I had already nicknamed as "Sicilian", the same old people were playing cards. The transparent morning light turned to twilight, but trump clubs were still beating the ace of diamonds played by an elderly neighbor, which meant that not much had changed for the village residents. The Head of the Village Community, Vadik Danielyan, made his way through the tables to the place overlooking every house of Mets Tagher and every street Vadik — for 13 years already — bears responsibility for either by the choice of the people or by Providence.

Mets Tagher is seeing global changes and the villagers set great hopes on them.

Catchers in Mets Tagher

On the way to Mets Tagher, the road reminded me of a runway: I had a persistent sensation that the world would end at the next turn and the heaven would start. The concept of height is the first association with Mets Tagher. Later, as soon as you enter the village, you realize that height is not just a geographical indicator here but the pivot — firmly settled in the very essence of these people. They suffered poverty and went through the war, got back on their feet and shaped a goal they steadily come closer and closer to. And higher is the goal, straighter are their backs and wider are their steps, as they know exactly what it means to have the inside height. ■

King-Worthy

Knowledge, intuition, luck… I guess all these three must become one so that a small white stone in the ground that attracted attention turns out a ledge of a massive citadel wall of the ancient city of Tigranakert. In 2005, the expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Armenian Academy of Sciences, under the directorship of Dr. Hamlet Petrosyan, initiated excavation works in the Askeran Region of Nagorno Karabakh which are currently ongoing. I am heading there for the unique opportunity to enjoy my privy to the All-Time King of One Nation – already not as a servant of His Majesty, but as a servant of his greatness.

Text **Anna Lorents** | Photo **Arnos Martirosyan**





The reference point that tells you "Here you are!" is a late-18th century outpost that splandours right at the road. And right from there ascends the hill of Tigranakert. However, there is no sight of archeologists we have appointed our meeting with. I am looking around, and here they are, down there. A few more steps and in the man waiving to us I recognize the Doctor of History Hamlet Petrosyan. This man — looking so naturally in his casual dusty outfit — was actually the one who initiated the excavations. At the current stage, the archeologists are working with the medieval layer — not a big deal, just a modern replica if compared with what is up there, at the top, already uncovered.
— The excavations above are held by another team — says Hamlet. — To be more precise, they are almost finishing their today's work. I told you that we start excavations at 6 in the morning and leave at midday. You know what hell is here in the afternoon! And you came only by 12... All right, go, and probably Tanya will agree to walk you all around.
True. Mountains are not for the smart. But not in the case when you are supposed to see the city, which is not only named after King Tigran II The Great, but it is built by him. And you are not supposed to see it one day in your life; you are seeing it right now and right here. I mean, in a couple of steps.
— Archeologists! Archeologists!!!
The call-up from the favorite movie has never been so in its place. And here is Tanya, i.e. the Candidate of History Tatyana Vardanesova. Naming qualifications of Petrosyan and Vardanesova in this very part of the text or in its very beginning wasn't of some urgent necessity; simply they sound in a new way, kind of to the point, when named right here, amid dust and dirt.
To cut it short, we met. All went down, while Tanya and I went up the layer of the massive wall.

Time to grub the stones out

I have been always curious about how specialists decide upon where to excavate and find something worthy. I recalled that we were having the very same discussion with our Karabakh friend Sergey over a cup of coffee sitting in one of those cozy Stepanakert cafes, when he greatly surprised me by the following confession.
— Armenians of Karabakh have always known the place of one of the capitals of Greater Armenia. I was a boy of six when my Grandpa took me to the foothill of this mountain and said "Once my father brought me here. Now it's my turn to bring you. You must know. Right here, under this hill, rests the ancient Armenian city of Tigranakert".
So it looks like this information was passed from generation to generation but with no one sensu stricto to dig deeper for more information.
— Right. We just waited for the moment to arrive.
And so it arrived. Arrived the time for us to grub the stones out.
Tanya wasn't surprised hearing this story:
— Indeed, it was known that Tigranakert was somewhere here. Moreover, it was also known that in the early 7th century in the territory of Artsakh and Utik, there were two cities of Tigranakert — one of Artsakh and the other — of Utik. The latter one is supposedly somewhere close to Ganjya. But the thing is that locals pointed to different hills where according to the legend the city was located. There were even research-works of some kind conducted nearby. Consequently, discovered was a settlement which at first was believed to be Tigranakert. But it turned to be a medieval city. Hamlet Petrosyan was the first to seriously set the task of finding the ancient city.
— And why here?
— It met the parameters. Let us say, it was quite obvious that the excavations were to be carried out on the border of steppe Karabakh and Nagorno. In fine weather, the wall of the Caucasian Mountains can be viewed from this hill. And it means that in case there was an enemy attack — expected right from the side overlooked by the citadel — every movement of the army came to plain sight from here. Besides, it was also obvious that somewhere nearby there had to be a water source. And it is what you have here.

On the wings of the white city

We walk up the massive wall made of correctly cut stone-blocks — here and there laid in six rows. People, who built them, intended to give them a centuries-long life.
— Look, how perfectly the walls are adjusted to the landscape! — says Tanya in admiration. — Do you see those step-shaped terraces hollowed in the rock? They were thought to lead to the 7th century church on top of this

hill. But in fact, they were built as the foundation for the citadel wall in order to place stone blocks on them. The walls were seen from the southern side, and the stones were later re-used, i.e. they were taken away for construction of other buildings. And the northern walls — they went underground due to which they were preserved. It is clearly seen from here that the foundation of the layer is made of several step-shaped terraces.

There are stencil-like cross-shaped hollows carved on the stone junction. In Russian we call this kind of coupling a "swallow's nest".

— The cross-shaped hollows served for fastening the stones using wood nogs, cramp iron or lead. However, we didn't find any wood fasteners — considered to be an older way of fastening; the crevices in the walls are of rubblework filled with stone and sliver. It is a typical ancient style of laying made of finely squared large rocks in the form of a parallelepiped. And these walls are built from unbaked bricks. Most likely, they were used for laying the upper part of the walls.

— And what are these round hollows in the rocks for? You can see them almost at every step.

— I can't give you an exact answer as there are several versions.

— And is there an option saying that round stones were placed in these hollows in order to roll up those unwieldy rocks?

— A nice one, but no. Such kind of hollows were found in the same-time structures in Shirak, and the most probable version is that they were used for collecting holy water which gods sent from heaven, meaning, rainwater. But this is only a version. The only thing I can say to support this one is that when it rains, these stone bowls are filled with water and it takes long for them to dry out.

— And where were these rocks brought from?

— There is a sand pit not far away, where in Soviet times prisoners used to work — there as a colony. And Tigranakert is built from this white stone.

The church of all-human religion

I have already heard this story about prisoners extracting white stones, literally, yesterday, when I was questioning all around about this 7th-century church located on the top of the hill. And the first thing I was told to by an old lady from the neighboring village was that the church is considered the Patroness of all mothers.

— It also has a legend. In the days of old, a childless Arab woman came to this sacred place in despair, and asked God to bless her with a son. A year later, she — already expecting a baby — came to the same place to make a bow in gratefulness. She gave a birth to her son right there and both of them — the mother and the child — were baptized. Learning about that, the Arabs decided to kill her and her son. The woman turned to God again praying to protect them. In no time, poisonous snakes covered the whole mountain in great numbers; they stung the assailants and killed them. The happy mother stayed there and grew up her son in a cradle made of stone.



Of course, we climbed up there by the opposite side of the hill. And, indeed, there was a hollow in the church yard dug in the rock resembling a cradle. But what interested me in this small church wasn't the cradle, but a strange story of a completely different epoch — the epoch of socialism. In Soviet times, the whole territory belonged to a high-level Azerbaijani official. The place still preserves the traces of luxury — in the way it was understood at that time. They say that Geydar Aliev, himself, used to come here. So, when adjusting the territory, the owner discovered the ruins of a Christian church and... he made up his mind to restore it. What I want to believe in is that his decision wasn't conditioned by a trite desire to seem an original Muslim who owns a Christian shrine — but by a sacred faith in humanity. And for the restoration of the church brought were the prisoners of the colony. Not a bad undertaking for a Soviet prisoner.
Thus, the great mission of the church was not only to rise above religions, but also to stand high above the atheism.



Agrounded

All this happened yesterday. Today we covered even more in the countdown to the times of decorations against which, indisputably, the most epic action of the historical drama in the life of the Armenian people took place. So I am standing on an uncut boulder from which starts the citadel wall of the great city which when looking from this place reminds of a big ship — alas, agrounded since long ago.
— Look, it's obvious that this is a typical ancient imperial city, — says Tanya. — It is built according to a unified plan. It means that a number of people were resettled here. Astride of the stronghold, there were towers built in two parallel rows — two round and two square. As the hill is rather steep, the citadel comes down in terraces.
— And can you say the exact date of the construction?
— This archeological monument is of diverse landscape reflecting several layers of time. The citadel itself dates back to the 95-55 years BC. The basilica, which we excavated down there (pointing) belongs to the 5th century. While this fortress — a favourite place for tourists to photograph in order to have evidence of visiting Tigranakert — is, in fact, an outpost dating the 18th century. Besides, we have also come across structures of different epochs inside the citadel — containing layers from the early to late Middle Ages. In a word, it is clear that people used to live here over the centuries ...
We wandered by the hill trying to imagine those who erected these massive walls and those who later finished the unfinished ones — making them thinner and thinner. Smaller becomes the human. Literally — smaller and smaller as we watch.

Evidence of the era born

In the very bottom, a huge shaft gapes.
— Is this that very basilica? And how did you learn that it comes from the 5th century?
— At first we thought it belongs to the 4th century. But then we excavated the apse. Look, it has angles. Faceted apses of this kind are typical to the 5th-century basilicas, whereas in the 6th century semicircular ones already appeared.
— It is huge.
— It is. The largest in the region: it has two entrances — northern, which is the main one — and western. It was a splendid, richly decorated church. Such churches weren't built with no special reason; most likely, it played a very important role. Moreover, considering that apart from the church on top the hill and this basilica, we have discovered one more cave church, dug into a rocky cliff, it can be admitted that there used to be a large early Christian cave cultic complex here. Supposedly, it was already destroyed by the 5th century in the aftermath of an earthquake or fire.
It also has white walls like the ones built almost next to it, on the hill, with a difference of several centuries. But this church is the evidence of a new era born.

P.S.

I said good-bye to Tanya, and now I am already on the paved road leading to the panel house I am staying in. But in front of my eyes stands the city, along the streets of which walked the king with no idea that one day "His Majesty" would become the only one in the country's history to be called the "Great".
And here it is — the king-worthy city. ■



A Place of Special Importance

There are places which are not simply beautiful or interesting. They affect people in a special way — similar to what we feel when influenced are our well-known five senses but in no way limited by it. These kinds of places are just as much attracting as scary. And what you feel comes right in the same order: you neither can leave nor stay for good. In Artsakh, a place of such importance is Dadivank.

Text **Anna Lorents** | Photo **Hayk Melkonyan**



Several years ago I first came to Dadivank travelling light. The only thing I knew was that "Dadi was one of those seventies gone to the north of Greater Armenia by the order of St. Thaddeus, who fell from the hand of Abgar, was brought to Small Syunik and buried there, and on that (very) place, a monastery was built and named Dadi after him."
This is what a medieval Armenian author Mikayel Asori wrote in his "Chronicle". Dadi died in the very springtime of Christianity — in the second half of the 1st century. The first and the oldest church of the monastery was built on the burial site of Dadi in the 4th century, only after Christianity was officially adopted in Armenia. And already in the 5th century, Dadivank became the Episcopal See.
It is the second time I am going there and I already know what to expect. It frightens me. I am afraid not to feel again, which will mean to lose, to destroy even what I felt before. But, no. The car stopped: we came face to face recognizing ourselves and each other.

***

It looks like an abandoned town. The walls here not only preserved the memory of their designation but also retained the sense of their own importance. Otherwise, the reason why I entered the territory of the monastery through the arch — a remnant of the front gate — when not even ruins of the monastery walls are seen around — cannot be explained.
It goes without saying that the first place I headed to was the bell tower built in the 13th century by Bishop Sargis, the son of Dopyants Prince Vahram. Once a bell tower. Many centuries ago, it was rebuilt and turned to kind of a shelf where placed were two khachkars. But what kind of khachkars! "...(they) don't have their equals anywhere, in no temple", "in their type, even if they are not considered the best, then it's impossible to point to more perfect ones," — wrote experts.
It is believed that the ornaments of the khachkars were taken from the embroidery patterns made by Princess of Khachen Arzu-Khatun.
The finest stone threads twist under my fingers — not all that is thin tears apart.

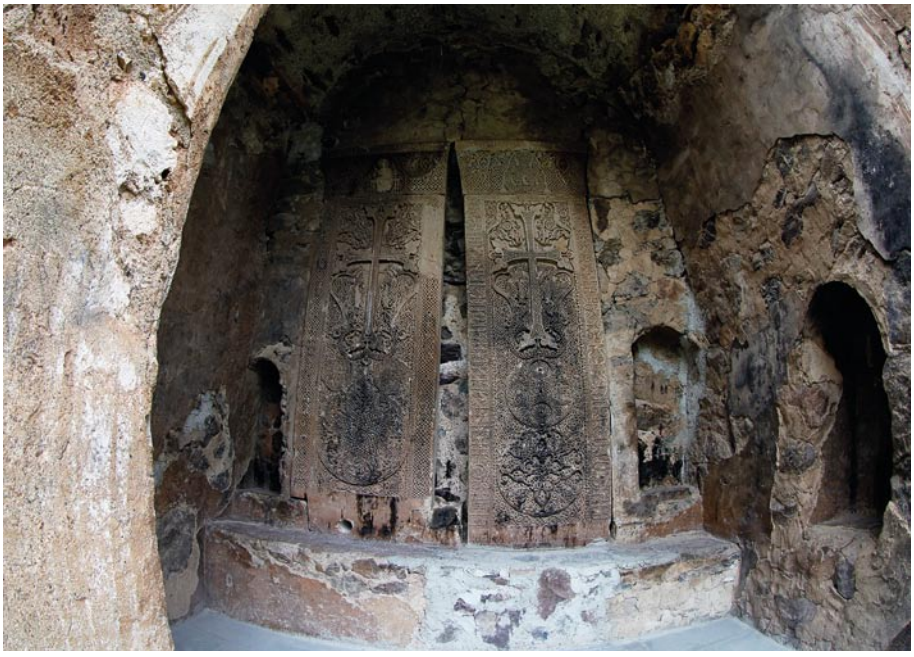
***

However, the contribution the Princess brought to the marvel of Dadivank is not limited by her handicraft used for khachkars.

The wall inscription of the monastery church after Arzu-Khatun (1214) — the center of the architectural complex of the monastery — says: "Thanks to Almighty God and His Only Son Jesus Christ and the Holy Spirit, I, Christ's servant, Arzu Khatun, the daughter of Great Prince Kurd and the wife of Vakhtang — the Lord of Aterk and Higher Khachen, with great hope built this sacred monument in the place of my cemetery of my husband and my children Hasanay ..." Only several steps separate the 13th century from the 1st. The roof of martyrium above Dadi's grave lies in ruins, and the walls today rather look like fencing. In the center of a recent and extremely even laying, there is gravestone — a simple rough-finished stone flag with crosses on it. It is a khachkar, too. It took thirteen years of faith and patience to learn how to weave stone lace. ▸

Dadivank

Dadivank has another name — Khutavankm which means "monastery on the hill". In some Armenian sources, the monastery is mentioned as Arakelots (Apolstolic), whereas Mkhitar Gosh names it as Arakeladir, i.e. "founded by Apostle". Due to a number of facts, Dadivank was, supposedly, built on a place of one of the pre-Christian sacral centers. It means that the burial place of Dadi — who carried the light of Christianity right from Thaddeus — wasn't a random choice.
In 1994, the monastery was reconsecrated.



Excavations in Handaberd
During the excavations held in 2004, not far away from Dadivank, in the territory of the Handaberd Fortress, unearthed were unique findings. Among them, there were 50 khachkars including the "Madonna of Handberd" depicting a woman who breastfed an infant, which experts evaluated as a masterpiece of the world art.

***

It is damp in the chapel of Bishop Grigor. It seems to come yet from the 13th century when it was just built. And that time was the golden age of the monastery when Dadivank owned gardens, grazing lands, villages... There were hotels, workshops and a library. They say that in some jugs — walled-up for better acoustics — at different times people used to find gold — hidden by bishops. Whatever you may say, it seems that even here it wasn't solely the faith people were dying for.

***

I walk down to a low hill, passing by the empty monastic cells. I find them most attractive among all other constructions of any monastery — household structures. Then I turn, jump over, stumble and ... here I am, in a black hole. My eyes get used to the darkness and I realize that I am facing a wall with a number of randomly stuck small stones. Each of them is a materialization of somebody's dream. You keep your dream in mind, bring the stone closer to the wall, and if it gets stuck, your dream comes true. And the interesting thing about it is that stones get stuck indeed. Unintentionally, you start to think about the material the plaster is made of.
There was a clay pipe in the next room before restoration, almost sticking out of the ceiling. It has been removed. But the impressively large pool under it is left untouched. There are similar pipes coming out from the pool and connecting with the three karases (big clay jars) dug into the ground. "Bath" was the first thing that came to my mind when I saw it. But later, after checking in books and asking around, I learnt that it was used for making cheese and butter. And, according to the locals, the removed ceiling pipe came down from mountains, pastures. Cows were milked there, and the pipe was used to pour the milk out right into the pool. In a word — innovative medieval technologies on the stage.

***

The adjacent room is soot black. Four pillars support the dome. There are openings at their base. Either for tying sacrificial animals, or ...The residents of the neighboring village are convinced they were used for chaining people. On the whole, strange stories are told here, saying that people from the neighborhood were stolen, brought to the monastery, tortured and even executed. But there was no inquisition in Armenia! Maybe these are just tall tales...But there is one more detail, a small one but of no small importance: the name people call the monastery slightly differs from the one given in books. And it is Dativank. "Dat" means "court" in Armenian. Thus, the name acquires a completely new interpretation –"a justice monastery". And it has nothing to do with the justice of Heaven. At the same time, it can be just a coincidence, as the difference is in a single letter. My asking-around gave no results; however, in the Soviet book about architectural monuments of Nagorno Karabakh, I read that most likely it refers to the "bloody secret" of Dadivank. Since the 17th century the monastery started to gradually lose its lands. At the beginning of the 19th century, Archbishop Sargis Jalalyants, who was then visiting these places, came across the ancient sanctuaries turned to pastures for "flocks of sheep and cattle". Ruins were the only thing left from Dadivank and they "served as concealment for brigands who conducted raids on Artsakh."
Maybe it was then when one letter in the monastery name was replaced by another.

***

I was almost leaving when suddenly, I remembered that all sources write about murals on the walls of Arzu-Khatun Church. I am here for the second time, and I haven't seen the wall-paintings yet. I turn back. Standing at the altar, I observe closely and still see nothing. I mentally divide the surface into squares and examine each of them — nothing. And all of a sudden, I see a face showing out on the stucco. Next comes a hand, garments... Here is the second man, the third... Now the church is filled with people. Here they are — a total of twelve! How could I not see them?! Or maybe they have just arrived? Hello, then! And I stand rooted to the ground. For long. And though it is high time, I am scared to move. I am scared they may come with me and the walls will stay bare, again. And there is no one around, not a single person... Emptiness. And it will remain like this until someone fills it with himself, someone who will come after me. ■



Address: 10 V. Sargsyan St., Stepanakert
Tel.: (+347 47) 97 19 71
www.parkhotelartsakh.com

PARK HOTEL
ARTSAKH

реклама

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

KARABAKH



Степанакертский Коньячный Завод
www.stepbrandy.com

Реклама